

• большая детская библиотека •

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

АНЯ
ИЗ ЗЕЛЕННЫХ МЕЗОНИНОВ

АНЯ ИЗ АВОНЛЕИ

Большая детская библиотека

Люси Мод Монтгомери

**Аня из Зелёных
Мезонинов. Аня из Авонлеи**

«Издательство АСТ»

1908, 1909

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-42

Монтгомери Л.

Аня из Зелёных Мезонинов. Аня из Авонлеи / Л. Монтгомери —
«Издательство АСТ», 1908, 1909 — (Большая детская библиотека)

ISBN 978-5-17-156713-2

Канадская писательница Люси Мод Монтгомери (1874–1942) придумала рыжеволосую девочку Аню Ширли, о которой написала целую серию книг. Эти книги и по сей день пользуются невероятным успехом. Самая первая – «Аня из Зелёных Мезонинов» – увидела свет в 1908 году. История про девочку-сироту Аню, попавшую на ферму Зелёные Мезонины в семью брата и сестры, Мэтью и Мариллы, принесли Люси Мод Монтгомери славу. Своей добротой, открытостью и мечтательностью маленькая Аня может расположить к себе даже самых черствых и строгих людей. По роману сняты фильмы и мультфильмы, а дом-музей на острове Принца Эдуарда, посвященный Ане, постоянно посещают толпы туристов-поклонников. В книгу вошли произведения: «Аня из Зелёных Мезонинов» и «Аня из Авонлеи». Рисунки Марии Рязанцевой. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-42

ISBN 978-5-17-156713-2

© Монтгомери Л., 1908, 1909
© Издательство АСТ, 1908, 1909

Содержание

Аня из Зелёных Мезонинов	7
Глава 1. Миссис Рейчел Линд удивляется	7
Глава 2. Мэтью Касберт удивляется	9
Глава 3. Марилла Касберт удивляется	13
Глава 4. Утро в Зелёных Мезонинах	16
Глава 5. История Ани	19
Глава 6. Марилла принимает решение	21
Глава 7. Анина молитва	23
Глава 8. Воспитание Ани начинается	24
Глава 9. Миссис Рейчел Линд ужасно возмущена	26
Глава 10. Аня просит прощения	28
Глава 11. Воскресная школа	30
Глава 12. Торжественная клятва	32
Глава 13. Восторги ожидания	34
Глава 14. Аня признает себя виновной	36
Глава 15. Буря в школьном стакане воды	39
Глава 16. Трагические последствия чаепития	43
Глава 17. Новая цель в жизни	47
Глава 18. Аня приходит на помощь	49
Глава 19. Концерт, катастрофа и извинение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Люси Мод Монтгомери
Аня из Зелёных
Мезонинов. Аня из Авонлеи

© Батищевва М. Ю., перевод, 2023
© Батищева М. Ю., адаптация, 2023
© Рязанцева М. В., ил., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Аня из Зелёных Мезонинов

Посвящается памяти моих отца и матери

Добрые звезды в твоём гороскопе:

Вся ты – и дух, и огонь, и роса.

Браунинг

Глава 1. Миссис Рейчел Линд удивляется

Дом миссис Рейчел Линд стоял в том месте, где широкая дорога, ведущая в Авонлею, ныряла в небольшую долину и где ее пересекал ручей. В лесной чаще, в начале своего течения ручей был своевольным и бурливым, но, добравшись до дома миссис Линд, превращался в спокойный, благовоспитанный поток, потому что даже ручей не мог протекать под взглядом миссис Линд без соблюдения приличий.

Много есть людей, как в Авонлее, так и за ее пределами, которые любят заниматься делами соседей, упуская при этом из виду свои собственные. Но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем одаренным особам, которые, питая живой интерес к делам ближних, прекрасно управляют и со своими. И вдобавок у нее хватало времени, чтобы сидеть часами возле окна своей кухни с вязаньем и наблюдать за дорогой. Так как Авонлея занимала маленький полуостров, выступавший в залив Святого Лаврентия, всякий, кто направлялся в эту деревню или из нее, должен был пройти по этой дороге и предстать пред всевидящим оком миссис Линд.

Как-то раз вечером в начале июня миссис Линд с вязанием в руках безмятежно сидела у окна в сияющей чистотой кухне. Сад, раскинувшийся на склоне холма за домом, стоял в чудесном подвенечном наряде бледно-розовых цветов, над которыми с жужжанием вились пчелы.

Внезапно необычное зрелище заставило миссис Линд опустить спицы: по дороге с холма неспешно катил соседский кабриолет, запряженный гнедой кобылой. Мэтью Касберт, известный домосед и на редкость застенчивый человек, выезжал куда-то из Авонлеи! И это в половине четвертого, в будний день, когда все в деревне сеют репу! И что еще удивительнее – на Мэтью был его лучший костюм и белый воротничок! Куда же это Мэтью Касберт отправился? Если бы ему не хватило семян и пришлось за ними поехать, он не стал бы наряжаться и брать кабриолет. Поехал за доктором? Вряд ли. Слишком уж медленно он ехал.

Миссис Линд долго размышляла, но так ни к чему и не пришла.

– Прямо загадка! Придется сходить в Зеленые Мезонины и узнать у Мариллы, куда он поехал и зачем.

Зеленые Мезонины стояли у самого леса, в стороне от дороги, вдоль которой дружно расположились все остальные домики Авонлеи. Миссис Линд энергично постучала и, услышав «войдите», вошла. Марилла, сестра Мэтью, сидела у стола и вязала.

Миссис Линд сразу заметила, что стол накрыт к чаю и на нем три прибора. Марилла, должно быть, ожидала, что кто-то приедет вместе с Мэтью. Но посуда была будничная, в вазочке – только яблочное повидло, на блюде – один вид печенья, так что ожидаемый гость вряд ли был важной особой.

– Добрый вечер, Рейчел, – сказала Марилла оживленно. – Садись, пожалуйста. Как там все ваши поживают?

Марилла была высокая худая женщина с фигурой из одних углов, без всяких изгибов. Ее темные с проседью волосы были свернуты в твердый узел на затылке и безжалостно про-

ткнуты двумя металлическими шпильками. Она производила впечатление женщины не слишком широких взглядов, но с суровой совестью.

– У нас все здоровы, – сказала миссис Линд. – Я испугалась, не заболел ли у вас кто-нибудь, когда увидела Мэтью в кабриолете. Я подумала, не поехал ли уж он за доктором.

– Нет, я здорова, – ответила Марилла. – Мэтью поехал на станцию в Брайт-Ривер. Мы берем на воспитание маленького мальчика из сиротского приюта. Он приезжает вечерним поездом.

Миссис Линд изумилась не меньше, чем если бы Марилла сказала, что Мэтью поехал на станцию, чтобы получить кенгуру, присланного из Австралии.

– Ты это серьезно, Марилла?

– Разумеется, – отвечала Марилла, как будто брать мальчиков из сиротского приюта входило в число обычных весенних работ на каждой авонлейской ферме.

– Да как вам пришло такое в голову? – спросила миссис Линд с неодобрением в голосе.

– Мы думали об этом всю зиму, – ответила Марилла. – Перед Рождеством у нас в гостях была миссис Спенсер. Она сказала, что весной собирается взять на воспитание маленькую девочку из приюта в Новой Шотландии. С тех пор мы с Мэтью много об этом говорили и решили, что возьмем мальчика. Мэтью уже за шестьдесят, и сердце у него не совсем в порядке. Ему нужен помощник. Так что мы решили, что попросим миссис Спенсер выбрать для нас мальчика, когда она поедет, чтобы взять девочку для себя. На прошлой неделе мы узнали, что она уже едет, и через семью Роберта Спенсера в Кармоди попросили привезти нам мальчика лет десяти-одиннадцати. Он будет помогать по хозяйству, а мы обеспечим ему хороший дом и дадим образование.

– Ну, Марилла, я прямо тебе выложу, что думаю. Вы делаете ужасную глупость! Взять в свой дом чужого ребенка, не зная ничего ни о его родителях, ни о том, каким он может вырасти. Вот только на прошлой неделе я читала в газете, как один фермер с женой взяли мальчика из приюта, а он поджег ночью их дом и чуть не спалил их дотла прямо в постелях. Если бы вы спросили моего совета, я сказала бы: даже не думайте об этом!

– Не спорю, Рейчел, в том, что ты говоришь, много правды. У меня самой есть кое-какие сомнения. Но Мэтью ужасно привязался к этой мысли. Он так редко чего-нибудь хочет, что, когда это случается, я всегда иду ему навстречу. Ну, а риск есть и тогда, когда люди заводят своих собственных детей – тоже неизвестно, что из них вырастет.

– Надеюсь, все будет хорошо, – сказала миссис Линд. Судя по ее тону, она сильно в этом сомневалась. – Но не говори потом, что я тебя не предупреждала, если этот приютский ребенок устроит пожар или насыплет яду в колодец – я слышала, было и такое... вся семья скончалась в ужасных мучениях... только в том случае это была девочка.

– Ну, мы же берем не девочку, – сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женской специальностью.

– Ну и ну! Прямо как во сне! – бормотала миссис Линд, удаляясь по тропинке от Зелёных Мезонинов. – Жаль мне этого бедного мальчугана. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях и захотят, чтобы он оказался умнее и степеннее его собственного дедушки. Не хотела бы я оказаться на месте этого сироты!

Глава 2. Мэтью Касберт удивляется

Мэтью наслаждался поездкой. Ее портили только те минуты, когда ему приходилось кланяться женщинам, встречавшимся ему по дороге.

Мэтью боялся всех женщин, кроме своей сестры Мариллы и миссис Линд. Ему всегда казалось, что эти непонятные существа втайне смеются над ним. Он не был далек от истины, так как внешность его была довольно странной – нескладная фигура, пышная борода и длинные с проседью волосы, падающие на сгорбленные плечи.

Когда Мэтью добрался до станции, никакого поезда не было видно. Он решил, что приехал слишком рано. Платформа была пуста, и лишь в ее конце на сложенных штабелями досках сидела девочка. Мэтью бочком проскользнул мимо нее, стараясь даже не глядеть в ее сторону, подошел к начальнику станции и спросил, скоро ли придет поезд, который должен был прийти в пять тридцать.

– Он уже пришел и ушел полчаса назад. Но здесь есть пассажир, которого высадили и который ждет вас, – маленькая девочка. Она сидит вон там на досках. Я предложил ей пройти в зал ожидания, но она заявила, что на открытом воздухе «больше простора для воображения».

– Я не жду никакой девочки, – сказал Мэтью беспомощно. – Миссис Спенсер должна была привезти для нас мальчика.

Начальник станции присвистнул.

– Тут какая-то ошибка. Думаю, вам лучше расспросить девочку. Она сумеет все объяснить – язык у нее хорошо подвешен.

С этими словами он запер билетную кассу и поспешил домой к ужину, а несчастный Мэтью остался, и предстояло ему сделать то, что было для него хуже, чем войти в логово льва: подойти к незнакомой девочке и спросить у нее, почему она не мальчик. Мэтью внутренне застонал и медленно, шаркающей походкой направился к ней.

Она не отводила от него глаз с той самой минуты, как он прошел мимо нее. Сам Мэтью старался на нее не смотреть, но если бы взглянул, то увидел бы худенькую девочку лет одиннадцати, одетую в тесное, некрасивое желтое платье из жесткой ткани и выцветшую матросскую шляпу, из-под которой на спину ложились две толстые косы, рыжие, как огонь. Лицо у нее было бледное, веснушчатое, с широким ртом и большими серо-зелеными глазами. Вряд ли Мэтью увидел бы что-либо еще, но тот, кто взглянул бы повнимательнее, заметил бы, что подбородок у нее решительный, глаза полны живости, рот – красиво очерченный и выразительный, лоб – широкий и умный... Короче, более внимательный человек мог бы сделать вывод, что незаурядная душа обитает в теле этого бедного, заброшенного существа, которого робкий Мэтью так нелепо боялся.

Мэтью, однако, был избавлен от тяжелой необходимости заговорить первым: как только девочка поняла, что он направляется к ней, она встала, одной рукой подхватила свой потертый саквояж, а другую протянула ему и сказала звучным, приятным голосом:

– Вы мистер Мэтью Касберт? Очень рада вас видеть! Я уже начала бояться, что вы не приедете за мной, и пыталась вообразить все, что могло вас задержать. Я решила, что, если вы не приедете сегодня, я пройду по шпалам до той большой цветущей дикой вишни на повороте, влезу на нее и так проведу ночь. Было бы прелестно спать среди белых цветов и в лунном сиянии, правда? И я была уверена, что вы приедете за мной завтра утром, если не сможете приехать сегодня.

Мэтью неуклюже пожал ее маленькую руку и в ту же минуту решил, что делать. Он не может сказать этому ребенку с сияющими глазами, что произошла ошибка. Он возьмет ее домой и предоставит Марилле сделать это. В любом случае девочку нельзя оставить одну на станции.

– Извини, что я опоздал, – сказал он робко. – Пойдем. Лошадь там, возле изгороди. Давай мне твой саквояж.

– Нет-нет, я сама его понесу. В нем все мое земное имущество, но он совсем не тяжелый. Нам далеко ехать, да? Миссис Спенсер сказала – восемь миль. Я очень люблю ездить. Как это чудесно, что теперь я буду ваша! Я всегда была ничья. Но приют оказался хуже всего. Там так мало простора для воображения... разве что другие сироты. По ночам я часто не спала и воображала – например, что девочка на соседней кровати, на самом деле дочь какого-нибудь графа, украденная в младенчестве у родителей злой нянькой, которая умерла прежде, чем успела признаться в своем преступлении...

Тут спутница Мэтью умолкла, отчасти потому, что запыхалась, а отчасти потому, что в этот момент они остановились у кабриолета. Она не проронила ни слова, пока они отъезжали от станции и спускались с крутого холма. Дорога здесь так глубоко врезалась в мягкий грунт, что края ее, поросшие цветущими дикими сливами, поднимались над головами едущих.

Девочка протянула руку и отломила усыпанную цветами ветку, задевшую бок кабриолета.

– Правда, красиво? Что вам напоминает это дерево, склонившееся к дороге, все белое и кружевное? – спросила она.

– Мм... не знаю, – сказал Мэтью.

– Конечно же невесту – всю в белом и под вуалью. Я никогда не видела невесту, но могу вообразить, что именно так она выглядит. Вряд ли я когда-нибудь стану невестой. Я такая некрасивая, что никто никогда не захочет на мне жениться. Но надеюсь, когда-нибудь у меня будет белое платье. Это мое представление о вершине земного блаженства. У меня никогда не было красивого платья... но зато есть чего ждать от жизни, правда? Впрочем, я всегда могу вообразить, что великолепно одета. Сегодня утром, когда я уезжала из приюта, мне было так стыдно, потому что пришлось надеть это ужасное платье. Там всем сиротам приходится носить такие. Один торговец прошлой зимой пожертвовал приюту несколько рулонов этой ткани. Многие говорили, что он просто не смог ее продать, но я предпочитаю верить, что он сделал это от чистого сердца, а вы как думаете? Когда мы сели в поезд, у меня было такое ощущение, будто все смотрят на меня с жалостью. Но я тут же вообразила, что на мне красивейшее платье из бледно-голубого шелка, большая шляпа в цветах и с перьями, золотые часики, тонкие кожаные перчатки и туфельки. Я сразу почувствовала себя счастливой и наслаждалась этой поездкой на остров всем своим существом... Ах, сколько деревьев, и все в цвету! Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда – самое красивое место на свете, и часто воображала, что живу здесь. Восхитительно, когда то, что воображаешь, становится реальностью, правда?... Какие странные эти красные дороги! Я спросила миссис Спенсер, почему они красные, а она сказала, что не знает и чтобы я не задавала ей так много вопросов. Но как же хоть что-то узнать, если не задавать вопросов? А почему эти дороги красные?

– Мм... по правде сказать, не знаю, – признался Мэтью.

– Что ж, это еще один вопрос, на который предстоит когда-нибудь найти ответ. Как радостно, что еще много всего предстоит узнать! Мир не был бы таким интересным, если бы мы уже все обо всем знали, правда? Тогда не было бы простора для воображения. Но может быть, я слишком много говорю? Мне всегда делают замечания. Вы хотите, чтобы я молчала? Я могу, хотя это трудно.

Мэтью, к своему большому удивлению, чувствовал себя прекрасно. И хотя ему было довольно трудно поспевать за полетом ее мысли, он подумал, что ему, «похоже, нравится ее болтовня», а потому сказал, как всегда робко:

– Говори сколько хочешь. Я не против.

– Ах, я чувствую, мы с вами подружимся! Это такое облегчение – говорить, когда хочется. Мне вечно напоминают, что детей лучше видеть, чем слышать. И еще смеются надо мной,

потому что я употребляю возвышенные слова. Но если у вас возвышенные мысли, вам нужны возвышенные слова, чтобы их выразить, вы согласны?

– Мм... похоже, это оправданно, – согласился Мэтью.

– Миссис Спенсер сказала, что ваша ферма называется Зеленые Мезонины и дом со всех сторон окружен деревьями. Я так люблю деревья! В приюте росли только несколько хилых деревцев перед входом. Они сами выглядели как сироты, эти деревья. Мне всегда хотелось плакать, когда я на них смотрела... А есть ли ручей возле Зелёных Мезонинов?

– Да, ручей прямо за нашим двором.

– Жить возле ручья всегда было моей мечтой! Теперь я чувствую себя почти счастливой. Совершенно счастливой я быть не могу, потому что... вот, какого это цвета, что вы скажете?

Она перекинула вперед через худенькое плечо одну из длинных блестящих кос. Мэтью не привык судить об оттенках дамских локонов, но в этом случае сомнений быть не могло.

– Рыжие? – сказал он.

– Да, рыжие, – подтвердила девочка с тяжелым вздохом. – Вот поэтому я не могу быть совершенно счастлива. Я не расстраиваюсь так глубоко из-за всего остального... веснушки, зеленые глаза и то, что я такая худая. Я могу вообразить, что у меня цвет лица как лепестки розы и лучистые фиалковые глаза и что я хорошенькая и пухленькая. Но даже в воображении я не могу избавиться от рыжих волос. Это трагедия всей моей жизни! Я читала однажды в книжке о девушке, у которой тоже была трагедия всей ее жизни, но это не были рыжие волосы. Она была златокудрой и божественно красивой. А каким вы предпочли бы быть, если бы вам предложили выбирать, – божественно красивым, ошеломляюще умным или ангельски добрым?

– Мм... я... точно не знаю.

– Я тоже не знаю. Никак не могу решить. Но это неважно, потому что вряд ли я стану такой... Ах, мистер Касберт! Мистер Касберт!

В эту минуту они миновали поворот и оказались в «Аллее». Это был отрезок дороги, над которым сплетались ветвями два ряда огромных разросшихся яблонь.

Девочка откинулась назад в кабриолете, в восторге подняв лицо к белому великолепию, простиравшемуся над головой. И даже когда они уже выехали из «Аллеи», она все еще не двигалась и не говорила, глядя на пылающее закатное небо.

– Ты, наверное, устала и голодна, – отважился наконец сказать Мэтью, который не мог найти другого объяснения этому долгому молчанию. – Но нам уже недалеко, около мили.

Девочка с глубоким вздохом вышла из задумчивости и посмотрела на него мечтательным взором существа, долго блуждавшего в далеких звездных пространствах.

– Мистер Касберт, – прошептала она, – то белое место, которое мы проезжали... что это было?

– М-м... ты, наверное, имеешь в виду «Аллею», – сказал Мэтью после недолгого, но глубокого раздумья. – Очень красивое место.

– Красивое? Нет, ему больше подходит слово «чудесное»! Его даже нельзя вообразить еще чудеснее. От него в груди такая странная, приятная боль. У вас когда-нибудь бывает такая боль, мистер Касберт?

– М-м... да не помню, чтобы когда-нибудь была.

– У меня часто бывает – каждый раз, когда я вижу что-то по-настоящему красивое. Но название «Аллея» ничего не выражает. Нужно назвать это место... сейчас, подумаю... Белый Путь Очарования. Когда мне не нравится название места или имя человека, я всегда придумываю новое и потом так их всегда и называю... Нам в самом деле осталось проехать всего милю? Мне и грустно, и радостно. Грустно – потому, что кончается путешествие. А радостно оттого, что у меня наконец будет родной дом. И опять появляется эта приятная боль в груди, как только подумаю, что еду в настоящий, свой дом!

Они спускались с холма к мосту, пересекавшему почти посередине длинный, извилистый пруд. Ниже моста, до того места, где янтарный пояс песчаных холмов отделял пруд от голубого морского залива, вода сверкала и переливалась всеми оттенками оранжевого, розового, бледно-зеленого и лилового. А выше моста, где пруд вился между рощами елей и кленов, его поверхность сверкала холодной темнотой среди колеблющихся теней.

– Это пруд Барри, – сказал Мэтью.

– Нет, это имя мне тоже не нравится. Я назову его... дайте подумать... Озеро Сверкающих Вод. Да, это правильное имя. Я знаю это по дрожи. Когда я нахожу имя, которое точно подходит, я чувствую дрожь восторга.

Когда дорога снова повернула, Мэтью сказал:

– Мы почти дома. Наша ферма...

– Нет-нет, не показывайте! – перебила она. – Позвольте мне угадать.

В мягком послезакатном свете была хорошо видна зеленая долина и множество ухоженных фермерских дворишков. Глаза девочки перебежали от одного из них к другому, и наконец взгляд ее остановился на одной ферме, белевшей в дымке цветущих деревьев далеко слева от дороги – как раз там, где над лесом в вечернем небе сверкала, словно маяк, огромная хрустально-белая звезда.

– Вон та, правда? – сказала девочка, указывая рукой.

– Угадала! – Мэтью в восхищении хлестнул кобылу вожжами.

– Как только я увидела Зеленые Мезонины, я почувствовала, что это мой дом!

И со вздохом восторга она снова погрузилась в молчание. Мэтью беспокойно ерзал на своем месте. Он думал не о тех хлопотах, которые произошедшая ошибка доставит ему и Марилле, но об ожидающем девочку разочаровании.

Глава 3. Марилла Касберт удивляется

Когда Мэтью открыл дверь, Марилла быстро поднялась ему навстречу. Но как только ее взгляд упал на маленькую странную фигурку с длинными ярко-рыжими косами и радостно сияющими глазами, она остановилась в изумлении.

– Мэтью, кто это? – воскликнула она. – Где же мальчик?

– Там не было мальчика, – отвечал Мэтью с несчастным видом.

– Как не было мальчика? Ведь мы просили миссис Спенсер привезти мальчика, – настаивала Марилла.

– Она привезла вот... ее. – Он кивнул на девочку, только теперь вспомнив, что даже не спросил, как ее зовут. – Пришлось взять ее домой. Нельзя же было оставить ребенка одного на ночь на станции, хоть и произошла ошибка.

– Хорошенькое дело! – воскликнула Марилла.

Все оживление погасло в лице девочки. Уронив свой драгоценный саквояж, она заломила руки.

– Вы не хотите взять меня, потому что я не мальчик! Я вам не нужна!

Упав на стул, она закрыла лицо руками и отчаянно зарыдала. Марилла и Мэтью растерянно переглянулись. Затем Марилла неуклюже попыталась поправить дело:

– Ну-ну, не о чем плакать.

– Не о чем? – Девочка подняла голову, и показалось залитое слезами лицо и дрожащие губы. – Да это самая трагичная минута в моей жизни!

Что-то вроде невольной улыбки смягчило суровое выражение лица Мариллы.

– Ну-ну, не плачь. Мы же не выгоняем тебя из дома. Как тебя зовут?

Девочка на мгновение заколебалась, а затем горячо сказала:

– Пожалуйста, называйте меня Корделией! Ведь вам все равно, как называть меня, если я останусь у вас ненадолго, правда?

– Называть Корделией? Ничего не понимаю. Если твое имя не Корделия, то как тебя зовут?

– Аня Ширли, – неохотно пробормотала девочка. – Такое неромантическое имя...

– Неромантическое! Чепуха! – сказала Марилла без всякого сочувствия. – Послушай, Аня Ширли, не можешь ли ты объяснить, что за ошибка произошла? Мы просили передать миссис Спенсер, чтобы она привезла нам мальчика. Разве в приюте нет мальчиков?

– Их там даже слишком много. Но миссис Спенсер ясно сказала, что вы хотите девочку лет одиннадцати. И заведующая решила, что я вам подойду. Я не могла спать от радости всю прошлую ночь. Ах, – добавила она с упреком, обернувшись к Мэтью, – почему вы не сказали мне на станции, что я вам не нужна, и не оставили меня там? Если бы я не видела Белого Пути Очарования и Озера Сверкающих Вод, мне не было бы теперь так тяжело на душе.

– О чем она говорит? – спросила Марилла, удивленно взглянув на Мэтью.

– Она вспоминает, о чем мы говорили по дороге, – сказал Мэтью поспешно. – Я пойду распрягу кобылу, Марилла. Приготовь чай к моему возвращению.

– Миссис Спенсер везла еще какого-нибудь ребенка кроме тебя? – продолжила расспросы Марилла, когда Мэтью вышел.

– Она везла Лили Джоунс для себя. Лили всего пять лет, и она очень красивая. У нее каштановые волосы. Если бы я была очень красивая и с каштановыми волосами, вы бы все равно меня не взяли?

– Нет. Нам нужен мальчик, чтобы помогать Мэтью на ферме. Девочка нам ни к чему. Сними шляпу. Я положу ее и твою сумку на столе в передней.

Аня послушно сняла шляпу. В этот момент вернулся Мэтью, и они сели ужинать. Но Аня не могла есть. Напрасно она щипала хлеб с маслом и клевала яблочное повидло из маленького блюдечка, стоявшего возле ее тарелки. Она совсем не продвинулась в этом деле.

– Ты ничего не ешь, – сказала Марилла сурово, как будто это был поступок, достойный осуждения.

– Не могу, – вздохнула Аня. – Я в пучине горя. Очень неприятное чувство. Когда пытаешься есть, комок встает в горле и невозможно ничего проглотить, даже если бы это была шоколадная конфета. Я однажды ела шоколадную конфету. Это было восхитительно. Мне часто после этого снится, что у меня много шоколадных конфет, но я всегда просыпаюсь, как только хочу съесть хоть одну. Все здесь невероятно вкусно, но все равно я не могу есть.

– Я думаю, она устала, – сказал Мэтью, который не проронил еще ни слова с тех пор, как вернулся из конюшни. – Лучше всего, Марилла, уложить ее в постель.

Марилла как раз размышляла о том, где положить Аню спать. Она приготовила кушетку в каморке возле кухни для желанного и долгожданного мальчика. Но хотя там было чисто и опрятно, все-таки для девочки это место казалось неподходящим. О том, чтобы поместить это бездомное создание в комнате для гостей, не могло быть и речи, так что оставалась только комната в мезонине, выходившая окнами на восток. Марилла зажгла свечу и велела Ане следовать за собой, что та и сделала, забрав по дороге со стола в передней свою шляпу и саквояж. Передняя была пугающе чистой, а маленькая комнатка в мезонине, куда они вошли через минуту, казалась еще чище.

Марилла поставила свечу на маленький треугольный столик и откинула одеяло на постели.

– Раздевайся и ложись. Сама свечку не гаси, а то еще пожар устроишь. Я приду за ней через пять минут.

Когда Марилла ушла, Аня печально огляделась кругом. Голые выбеленные стены и пол, казалось, сами страдали от своей наготы. В одном углу стояла высокая, старомодная кровать, в другом – упомянутый треугольный столик, а у стены напротив окна – умывальник. От всей комнаты веяло холодом, который пробрал Аню до мозга костей. С рыданием она стянула с себя одежду, надела тесную приютскую ночную рубашку, прыгнула в кровать и спряталась с головой под одеяло. Когда Марилла вернулась за свечой, жалкие предметы одежды, разбросанные по полу, и взбаламученная постель были единственными признаками человеческого присутствия в комнате. Она собрала Анину одежду, аккуратно положила ее на жесткий желтый стул, а затем, подняв свечу, обернулась к кровати и сказала, немного смущенно, но не сердито:

– Доброй ночи.

Из-под одеяла неожиданно появились бледное лицо и большие глаза.

– Как вы можете называть ее доброй, когда знаете, что это будет самая ужасная ночь в моей жизни? – сказала Аня с упреком и снова нырнула под одеяло.

Марилла спустилась в кухню и занялась мытьем посуды. Мэтью курил трубку – явный признак смятения чувств. Он редко курил, так как Марилла решительно выступала против этой скверной привычки. Но иногда его неодолимо тянуло покурить, и тогда Марилла смотрела на это сквозь пальцы, понимая, что и мужчине надо дать выход своим чувствам.

– Веселенькая история! – сказала она гневно. – Родственники Роберта Спенсера что-то напутали, когда передавали нашу просьбу. Придется завтра поехать к миссис Спенсер. Девочку нужно отправить обратно в приют.

– М-м... она очень милое создание. Жалко отправлять ее назад, раз уж она так хочет остаться.

– Что нам пользы от нее?

– Может быть, ей от нас была бы польза, – сказал Мэтью неожиданно.

– Мэтью, этот ребенок тебя прямо околдовал. Я ясно вижу, что ты хочешь ее оставить.

– Она интересное существо, – убеждал Мэтью. – Ты бы послушала, что она говорила, когда мы ехали со станции.

– Не люблю болтливых детей. Она отправится туда, откуда явилась!

– Как ты скажешь, – ответил Мэтью, вставая и откладывая трубку. – Я иду спать.

Так он и поступил. Спать, вымыв все тарелки, отправилась и Марилла. И наверху, в комнате мезонина, одинокий, заброшенный, истосковавшийся по любви ребенок, наплакавшись, тоже уснул.

Глава 4. Утро в Зеленых Мезонинах

Было уже совсем светло, когда Аня проснулась. Сначала она ощутила восхитительный трепет, словно произошло что-то очень приятное, затем явилось ужасное воспоминание. Это были Зеленые Мезонины, но здесь не хотели ее оставить, так как она не мальчик!

Но светило солнце, а прямо за окном стояла огромная вишня, сплошь усыпанная белыми цветами. Аня выскочила из постели, подбежала к окну, распахнула его и опустилась на колени с восторгом вглядываясь в июньское утро. Какое прекрасное место! Если бы она могла здесь остаться! Она вообразит, что остается!

С обеих сторон от дома тянулся большой сад, весь в цвету. Трава под деревьями казалась желтой от одуванчиков. Чуть поодаль виднелись кусты сирени, все в гроздьях ярко-фиолетовых цветов, и утренний ветерок доносил до окна их сладкий аромат. Дальше за садом зеленые луга спускались к долине, где среди стройных березок, белеющих на фоне темных елей, бежал ручей. Слева виднелись хозяйственные постройки, за ними – зеленые поля, а дальше – сверкающее голубое море.

Аня стояла на коленях у окна, забыв обо всем на свете, кроме окружавшей ее красоты, пока не вздрогнула, почувствовав на своем плече чью-то руку. Маленькая мечтательница не слышала, как вошла Марилла.

– Пора одеваться, – сказала Марилла коротко. Она не знала, как говорить с ребенком, и слова звучали резко помимо ее воли.

– Какая красота! – сказала Аня с глубоким вздохом, вставая и указывая рукой за окно.

– Да, дерево большое, – кивнула Марилла, – и цветет обильно, но сами вишни никуда не годятся – мелкие и червивые.

– Я говорю не только о дереве; конечно, оно ослепительно прекрасно... Но я имела в виду и сад, и ручей, и лес – весь большой чудесный мир! Я даже здесь слышу, как ручей смеется вдали. Я рада, что здесь есть ручей. Может быть, вы думаете, что это не имеет для меня значения, раз вы не хотите оставить меня здесь? Но это не так. Мне всегда будет приятно вспоминать, что возле Зеленых Мезонинов есть ручей. Если бы здесь не было ручья, меня преследовало бы неприятное чувство, что он должен здесь быть...

– Завтрак ждет, – сказала Марилла, как только ей удалось вставить словечко. – Одевайся и спускайся вниз. Не забудь умыться и причесаться. И побыстрее, пожалуйста.

Через десять минут Аня спустилась вниз, аккуратно одетая, умытая, с расчесанными и заплетенными в косы волосами.

– Я сегодня очень голодная, – объявила она, проскользнув на стул, указанный ей Мариллой. – Мир уже не кажется такой мрачной пустыней, как вчера вечером. Я рада, что утро солнечное. Хотя любое утро интересно, даже дождливое, правда? Никогда не известно, что ждет нас в этот день, и так много простора для воображения. Но я рада, что сегодня нет дождя, так как легче переносить превратности судьбы в солнечный день. Я чувствую, что мне сегодня предстоит многое перенести. Легко читать о чужих несчастьях и воображать, что и мы могли бы героически их преодолеть, но это не так легко, когда приходится и в самом деле с ними столкнуться, правда?

– Прошу, придержи язык, – сказала Марилла. – Маленькая девочка не должна так много говорить.

Аня послушно умолкла и ела машинально, устремив взгляд на небо за окном. У Мариллы было неприятное чувство, что в то время, как тело этого странного ребенка находилось за столом, дух его парил на крыльях фантазии в какой-то заоблачной стране. Кому нужен такой ребенок в доме?

И однако, что было самым непостижимым, Мэтью желал оставить ее! Марилла чувствовала, что он хочет этого сегодня утром так же сильно, как вчера вечером, и собирается хотеть и дальше.

Когда завтрак кончился, Аня вышла из задумчивости и предложила вымыть посуду.

– Ты умеешь мыть посуду как следует? – спросила Марилла недоверчиво.

– Довольно неплохо. Правда, я лучше умею нянчить детей. Жаль, что у вас здесь нет детей, которыми я могла бы заняться.

– Тебя одной вполне достаточно. Ума не приложу, что с тобой делать! Мэтью такой смешной.

– Мне он показался очень милым, – сказала Аня с упреком. – Он совсем не возражал, сколько бы я ни говорила. Я почувствовала в нем родственную душу, как только его увидела.

– Оба вы чудачки, – фыркнула Марилла. – Хорошо, можешь вымыть посуду. Не жалей горячей воды и вытри как следует. У меня и так полно работы сегодня с утра, потому что придется поехать после обеда к миссис Спенсер. Поедешь со мной, и там решим, что с тобой делать.

Аня проворно и тщательно вымыла посуду, и Марилла, чтобы на время избавиться от девочки, сказала, что разрешает ей пойти в сад и поиграть там до обеда.

С оживленным лицом Аня бросилась к двери, но на самом пороге остановилась, круто повернула назад и села возле стола. Выражение восторга исчезло с ее лица, словно его сдул ветер.

– Ну, что еще случилось? – спросила Марилла.

– Я не осмеливаюсь выйти, – сказала Аня тоном мученика, отрекающегося от всех земных радостей. – Если я выйду и познакомлюсь с деревьями, цветами, ручьем, я не смогу не полюбить их. Но не стоит влюбляться в то, от чего предстоит быть оторванным навсегда... Как зовут этот цветок в горшке на подоконнике?

– Это герань.

– А какое имя дали ей вы? Вы не дали ей имени? Тогда можно мне это сделать? Я назову ее... дайте подумать... Милочка! Можно мне называть ее Милочка, пока я здесь?

– Как хочешь. Но зачем герани имя?

– Как зачем? Откуда вы знаете, что не задеваете чувства герани, когда называете ее просто «герань»? Ведь вам не понравилось бы, если бы вас всегда называли просто женщиной. Я дала имя и той вишне под окном моей спальни. Я назвала ее Снежной Королевой, потому что она такая белая. Конечно, она не всегда будет в цвету, но ведь можно это вообразить, правда?

– Никогда в жизни не слышала ничего подобного, – бормотала Марилла, спасаясь бегством в подвал за картошкой. – Я уже чувствую, как меня занимает, что еще она скажет.

Вернувшись в кухню, Марилла застала Аню снова впавшей в мечтательность. Девочка сидела, опустив подбородок на руки и устремив взгляд в небо. Так Марилла и оставила ее, пока обед не появился на столе.

– Могу я взять кобылу и кабриолет после обеда, Мэтью? – спросила Марилла.

Мэтью кивнул и печально взглянул на Аню. Марилла перехватила этот взгляд и сухо добавила:

– Я поеду к миссис Спенсер и возьму Аню с собой, чтобы ее можно было сразу отправить обратно в приют. Я оставлю тебе чай на плите и вернусь домой как раз к дойке.

И опять Мэтью ничего не сказал. Марилла почувствовала, что зря тратит слова.

В положенное время Мэтью запряг гнедую, и Марилла с Аней сели в кабриолет. Мэтью открыл перед ними ворота двора и, когда они медленно проезжали мимо, сказал громко, ни к кому, кажется, не обращаясь:

– Заходил утром один французский паренек, и я сказал ему, что найму его батраком на лето.

Марилла не ответила, но хлестнула несчастную гнедую с такой силой, что та рванула галопом.

Глава 5. История Ани

– Знаете, – сказала Аня доверительно, – я собираюсь наслаждаться этой поездкой. Пока мы едем, я буду думать не о возвращении в приют, а только о том, что вижу вокруг. Смотрите, там уже один маленький цветочек на кусте дикой розы! Приятно, наверное, быть розой. Думаю, если бы розы могли разговаривать, они рассказали бы нам много чудесных историй. Розовый цвет – мой любимый, но я не могу его носить. Рыжеволосым нельзя носить розовое – даже в воображении. Вы не слышали о какой-нибудь девочке, у которой волосы были в детстве рыжие, а потом, когда она выросла, изменили цвет?

– Нет, никогда о таком не слышала, – сказала Марилла безжалостно, – и не думаю, что это произойдет с твоими волосами.

– Еще одна надежда умерла, – вздохнула Аня. – Моя жизнь – настоящее кладбище надежд. Я прочитала эту фразу в одной книге и утешаюсь ею каждый раз, когда сталкиваюсь с разочарованием.

– Не вижу, в чем здесь утешение, – заметила Марилла.

– Кладбище надежд! Это звучит так романтично, словно я героиня повести... Мы поедем сегодня через Озеро Сверкающих Вод?

– Мы не поедем через пруд Барри, если это его ты так называешь. Поедем по прибрежной дороге.

– Прибрежная дорога. Прекрасно звучит! – сказала Аня мечтательно. – Интересно, она так же прекрасна, как ее название? А далеко нам ехать?

– Пять миль. Раз уж ты собираешься говорить всю дорогу, Расскажи мне все, что ты о себе знаешь.

– То, что я о себе знаю, не стоит и рассказывать! – горячо воскликнула Аня. – То, что я о себе воображаю, гораздо интереснее!

– Не надо фантазий. Придерживайся строгих фактов. Где ты родилась и сколько тебе лет?

– Мне исполнилось одиннадцать в марте, – сказала Аня, со вздохом покорности соглашаясь «придерживаться строгих фактов». – Я родилась в Болинброке, в Новой Шотландии. Моего отца звали Уолтер Ширли, и он был учителем в средней школе. Маму звали Берта Ширли. Уолтер и Берта – прелестные имена, правда? Я рада, что у моих родителей были красивые имена.

– Имя не имеет значения; главное, чтобы человек был порядочный, – сказала Марилла, чувствуя, что призвана внушать правильные мысли.

– Ну, не знаю... – Аня взглянула задумчиво. – Я не верю, что роза была бы такой же прекрасной, если бы называлась чертополохом или капустой... Моя мама тоже была учительницей, но когда вышла замуж за отца, оставила работу. Муж – это и так большая ответственность. Миссис Томас говорила, что это была пара младенцев, и вдобавок бедных, как церковные мыши. Они поселились в маленьком домике в Болинброке. Я никогда не видела этого домика, но воображала его тысячу раз. Я думаю, что у окна гостиной вились вьюнки, перед крыльцом росла сирень, а у ворот – лилии. В этом домике я и родилась. Миссис Томас говорила, что я была ужасно некрасивым ребенком – кожа да кости, ну еще глаза, – но моя мама думала, будто я необыкновенно красива. Я считаю, что мать может оценить лучше, чем бедная поденщица, которая приходит убирать дом, правда? Во всяком случае, я рада, что мама была мной довольна. Мне было бы тяжело, если бы я ее разочаровала, потому что она недолго прожила после этого. Она умерла от лихорадки, когда мне было всего три месяца. И папа умер через четыре дня, тоже от лихорадки. Я осталась сиротой, и все ломали голову – так миссис Томас говорила, – что со мной делать. Я никому не была нужна уже тогда. Отец и мать приехали из дальних мест, и было известно, что родственников у них нет. Наконец миссис Томас сказала, что возьмет меня, хотя она была бедная и замужем за пьяницей. Она выкормила меня

из соски. Вы не знаете, почему люди, которых выкормили таким способом, должны быть от этого лучше других? Потому что, если я не слушалась, миссис Томас говорила мне с упреком, что не понимает, как я могу быть такой плохой девочкой, когда она выкормила меня из соски.

Я жила у мистера и миссис Томас, пока мне не исполнилось восемь лет. Я помогала нянчить их детей – их было четверо, все младше меня, – и должна вам сказать, это было нелегко. Потом мистер Томас попал под поезд и погиб. Его мать предложила взять к себе миссис Томас и ее детей, но взять меня не захотела. И миссис Томас стала тоже ломать голову, так она говорила, что делать со мной. Тогда миссис Хаммонд, которая жила выше по реке, сказала, что возьмет меня, так как я умею нянчить детей. И я переехала в ее дом возле лесоповала. Это было ужасно пустынное место. Я просто не смогла бы там жить, если бы у меня не было воображения. Мистер Хаммонд работал на лесопилке, а у миссис Хаммонд было восемь детей. У нее три раза подряд родились близнецы. Я люблю детей, но близнецы три раза – это слишком. Я ужасно устала таскать всех этих детей.

Там я жила около двух лет, а потом мистер Хаммонд умер. Миссис Хаммонд раздала детей родственникам и уехала в Соединенные Штаты. А мне пришлось отправиться в приют. В приюте меня тоже не хотели брать, говорили, что у них переполнено, но все-таки взяли. Я пробыла там четыре месяца, пока не приехала миссис Спенсер.

Аня закончила свою историю новым вздохом, на сей раз это был вздох облегчения. Ей явно не хотелось говорить о своем жизненном опыте.

– Ты когда-нибудь ходила в школу? – спросила Марилла, направляя гнедую на прибрежную дорогу.

– Не очень много. Но я хорошо умею читать и знаю наизусть много стихов. Вы любите стихи, от которых мурашки по спине бегут? В хрестоматии есть такие...

– А были эти женщины – миссис Томас и миссис Хаммонд – добры к тебе? – спросила Марилла, глядя на Аню краешком глаза.

– О-о-о! – Аня залилась густым румянцем. – Они хотели быть добрыми. А когда люди хотят быть добры к вам, вы не должны обижаться, если им это не всегда удается.

Аня замолчала, с восторгом глядя на море, а Марилла рассеянно правила гнедой, глубоко задумавшись. В ее сердце вдруг шевельнулась жалость. Какая несчастная жизнь была у девочки, жизнь, полная тяжелой работы, бедности, сиротства! Ничего удивительного, что она так обрадовалась возможности обрести настоящий дом и семью. Что, если позволить ей остаться в Зелёных Мезонинах? Мэтью, несомненно, хотел этого, и девочка, кажется, хорошая. «Говорит она уж очень много, – думала Марилла, – но в ее словах нет ничего грубого и вульгарного. Похоже, она из хорошей семьи».

Прибрежная дорога была пустынной. Справа толпились низкорослые пихты, слева – крутые красноватые скалы, у подножия которых лежали кучи отшлифованных прибоем валунов и гальки. А дальше расстилалось море, сверкающее и голубое; над ним парили чайки, их крылья ярко вспыхивали серебром на солнце.

– Вы хотели бы быть чайкой? – спросила Аня, очнувшись от долгого созерцания. – Я хотела бы. Как было бы чудесно просыпаться на рассвете и парить целый день в голубых просторах над водой!.. Что это за огромный дом впереди?

– Гостиница. Сейчас сезон еще не начался, но летом сюда приезжают тучи американцев. Им нравится здешнее побережье.

– Я боялась, что это дом миссис Спенсер, – сказала Аня печально. – Мне туда совсем не хочется. Кажется, что это конец всего.

Глава 6. Марилла принимает решение

– Мисс Касберт, – с радушной улыбкой воскликнула миссис Спенсер, выбегая на крыльцо, – никак вас не ждала сегодня, но очень рада, что вы приехали.

– Видите ли, миссис Спенсер, – начала Марилла, – произошло недоразумение, и я приехала, чтобы выяснить, как это случилось. Мы с Мэтью просили вашего брата передать вам, чтобы вы привезли нам из приюта мальчика.

– Да что вы говорите! – огорчилась миссис Спенсер. – Роберт прислал ко мне свою дочку Нэнси, и она сказала, что вам нужна девочка. Нэнси – ужасная растрепанная. Сколько раз я ее ругала за рассеянность!

– Мы, конечно, сами виноваты, – признала Марилла. – Нам следовало приехать к вам, а не передавать такие важные сообщения через других. Ну, ничего не поделаешь, ошибка произошла. Как нам ее исправить? Можно ли отправить девочку обратно в приют?

– Может быть, и не придется это делать, – сказала миссис Спенсер, вводя гостей в дом. – Вчера ко мне заходила миссис Блеветт и очень жалела, что не попросила меня привезти ей девочку, которая могла бы помогать по хозяйству. Думаю, Аня ей подойдет.

Появилась отличная возможность избавиться от нежеланной сироты, но Марилла почему-то не испытывала облегчения. Она не была знакома с миссис Блеветт, но несколько раз видела эту костлявую женщину со злым лицом. Девушки-служанки, которые уходили от нее, рассказывали ужасные истории о ее сварливости и скаредности и о ее нахальных, драчливых детях. Марилла почувствовала угрызения совести при мысли, что нужно отдать Аню на милость такой женщины.

– А вон и миссис Блеветт, собственной персоной, идет по дорожке! – воскликнула миссис Спенсер, взглянув в окно. – Какая удача! Мы сможем решить этот вопрос прямо сейчас. Садитесь в кресло, мисс Касберт. Аня, сядь на оттоманку и не вертись... Добрый день, миссис Блеветт! Как кстати вы пришли! Здесь произошла ошибка вот с этой девочкой. Мне сказали, что мистер и мисс Касберт хотят взять на воспитание девочку. Но оказывается, они просили прислать мальчика. Так что, если вы не изменили свое решение со вчерашнего дня, я думаю, Аня – именно то, что вам нужно.

Миссис Блеветт окинула Аню с головы до ног суровым взглядом.

– Хм! Она жилистая. Жилистые люди обычно неплохие работники. Я готова избавить вас от нее, мисс Касберт. Мой маленький такой капризный, всю меня измучил. Если хотите, я заберу ее с собой прямо сейчас.

Марилла взглянула на Аню, и сердце ее дрогнуло при виде бледного личика, на котором было написано немое отчаяние.

– Должна сказать, – произнесла она медленно, – что мы с братом еще не приняли окончательного решения. Я приехала только для того, чтобы выяснить, как произошла ошибка. Думаю, мне лучше взять ее домой и еще раз поговорить с Мэтью. Если мы не захотим оставить ее у себя, то пришлем к вам завтра вечером.

Пока Марилла говорила, глаза Ани засияли как утренние звезды. Когда минуту спустя миссис Спенсер и миссис Блеветт вышли из комнаты, чтобы поискать кулинарный рецепт, за которым пришла миссис Блеветт, Аня вскочила и бросилась к Марилле.

– Мисс Касберт, вы вправду сказали, что, может быть, позвольте мне остаться в Зелёных Мезонинах? Или я это только вообразила?

– Учись различать реальность и фантазии, Аня, – сказала Марилла сухо. – Да, я это сказала, но еще ничего не решено. А пока сядь на место и молчи как хорошо воспитанная девочка.

– Я буду делать все, что вы скажете. Только оставьте меня у вас! – попросила Аня, послушно возвращаясь на свое место на оттоманке.

Когда в тот вечер они вернулись в Зеленые Мезонины, Мэтью встретил их у ворот. Но о результатах поездки Марилла рассказала ему только тогда, когда они оказались вдвоем на скотном дворе во время дойки.

– Я бы и собаки не отдал этой бабе Блеветт, – сказал Мэтью с необычным ожесточением.

– Мне она тоже не понравилась, – призналась Марилла, – но или она возьмет Аню, или мы. И так как ты, Мэтью, хочешь взять ее к нам, то я не против.

– Я знал, что ты к этому придешь, – сказал Мэтью, просияв. – Она такое интересное существо.

– Было бы лучше, если бы ты мог сказать, что она полезное существо, – отрезала Марилла. – Но я постараюсь, чтобы она им стала. И запомни, Мэтью, не вмешивайся в мои методы воспитания. Может быть, старая дева не много знает о воспитании детей, но старый холостяк знает об этом еще меньше.

– Я вмешиваться не стану, – заверил Мэтью. – Будь только добра к ней. Думаю, она из тех, с кем можно сделать все, что хочешь, если подойти с любовью.

Марилла фыркнула в ответ, выразив свое презрение к взглядам Мэтью на этот чисто женский вопрос, и ушла в молочню с ведрами.

Глава 7. Анина молитва

В тот вечер, провожая Аню спать в ее комнату в мезонине, Марилла сказала строго:

– Аня, вчера ты разбросала свою одежду, когда ложилась спать. Это дурная привычка. Все, что снимешь с себя, аккуратно сверни и положи на стул... Вот, так-то лучше. Теперь прочитай молитву и ложись в постель.

– Я никогда не читаю молитву, – объявила Аня.

– Что ты говоришь! – ужаснулась Марилла. – Разве тебя не учили молиться? Ты знаешь, кто есть Бог?

– Бог есть дух, бесконечный, вечный и неизменный, высшая мудрость, сила, святость, справедливость, доброта и истина, – отвечала Аня быстро и гладко. – Нас этому учили в приютской воскресной школе. «Бесконечный, вечный и неизменный». Звучит как поэзия, правда?

– Мы говорим не о поэзии, а о вечерней молитве. Разве ты не знаешь, что Бог хочет, чтобы все девочки читали на ночь молитву?

– Миссис Томас однажды сказала мне, что Бог нарочно дал мне рыжие волосы, и с тех пор я перестала Им интересоваться. К тому же, если весь день нянчишь близнецов, вечером уже не до молитвы.

Марилла решила, что религиозное воспитание Ани следует начать немедленно.

– Ты должна читать молитву на ночь, пока находишься в моем доме.

– Я готова на все, лишь бы вы были довольны, – охотно согласилась Аня. – Только вам придется подсказать мне, что нужно говорить.

– Нужно встать на колени, – сказала Марилла смущенно. – А теперь поблагодари Бога за все благодеяния и смиренно попроси о том, чего хочешь.

– Хорошо, я постараюсь, – пообещала Аня. – Милостивый Отец наш небесный – так обычно говорят священники в церкви, – благодарю Тебя за Белый Путь Очарования, Озеро Сверкающих Вод, Милочку и Снежную Королеву. Это все благодеяния, о которых я могу вспомнить. Что же до моих желаний, то их очень много. Я упомяну только два – самых важных. Пожалуйста, позволь мне остаться в Зелёных Мезонинах и сделай меня красивой, когда я вырасту. С уважением, Аня Ширли. Вот, все в порядке? – спросила она бодро, вставая с колен.

Только мысль о том, что не отсутствие благоговения, а духовное невежество было причиной этого необычного обращения к Богу, помогла Марилле сохранить присутствие духа. Она заботливо укрыла девочку одеялом и уже выходила из комнаты, забрав свечу, когда Аня снова окликнула ее:

– Надо было сказать «Аминь» вместо «с уважением». Да? Так священники говорят. Как вы думаете, это большая разница?

– Нет... не думаю... Спи спокойно. Доброй ночи.

– Сегодня я могу сказать «доброй ночи» с чистой совестью, – сказала Аня, ныряя в подушки.

Марилла вернулась в кухню, поставила свечу на стол и решительно повернулась к Мэтью:

– Мэтью, самое время, чтобы кто-то занялся воспитанием этой девочки. Она почти язычница. Никогда в жизни не молилась! Я отправлю ее в воскресную школу, как только сошью ей приличное платье. Да-а, работы у меня прибавится! Что ж, каждый должен иметь в жизни свою долю хлопот, и я надеюсь, что исполню свой долг как следует.

Глава 8. Воспитание Ани начинается

Все следующее утро Марилла давала Ане разные поручения и внимательно наблюдала, как та их выполняет. Уже к полудню она убедилась, что Аня проворна и послушна, трудолюбива и понятлива. Главным ее недостатком была мечтательность: иногда она впадала в такую глубокую задумчивость, что совершенно забывала о том, что у нее в руках, пока громкое замечание или неожиданная катастрофа не возвращали ее на землю.

Кончив мыть посуду после обеда, Аня неожиданно остановилась перед Мариллой с отчаянным видом человека, решившегося узнать ужасный приговор. Вся ее тоненькая фигурка дрожала, лицо пылало.

– Пожалуйста, мисс Касберт, скажите мне, собираетесь вы отослать меня или нет. Я больше не могу выносить эту ужасную неизвестность!

– Хорошо, – сказала Марилла. – Мы с Мэтью решили оставить тебя. Разумеется, если ты постарайся быть хорошей девочкой и проявишь благодарность... Что с тобой?

– Я плачу, – сказала Аня смущенно. – Не знаю почему. Я так счастлива!

– Сядь и постарайся успокоиться, – сказала Марилла с неодобрением в голосе. – Да, ты останешься у нас, и мы постараемся, чтобы тебе было хорошо. Будешь ходить в школу. Но сейчас осталось всего две недели до начала каникул, так что пойдешь учиться в сентябре.

– А как мне называть вас? – спросила Аня. – Мисс Касберт или тетя Марилла?

– Называй просто Марилла.

– Мне так хотелось бы называть вас тетя Марилла. Давайте вообразим, что вы моя тетя.

– Не могу, – сказала Марилла неумолимо.

– Вы никогда не воображаете вещи не такими, какие они на самом деле? – спросила Аня, широко раскрывая глаза.

– Нет.

– Ах! – Аня глубоко вздохнула. – Мисс... Марилла, как много вы теряете!

– Не думаю, – возразила Марилла. – Бог создал нас в этом мире не для того, чтобы мы этот мир воображали иным. Кстати... Пойди в гостиную – только вытри ноги как следует и не напусти мух – и принеси сюда открытку, которая стоит на каминной полке. На ней напечатана молитва «Отче наш». Я хочу, чтобы ты ее выучила.

Аня направилась в гостиную, однако не вернулась оттуда. Прождав минут десять, Марилла поджала губы, отложила вязанье и пошла за ней. Аня, сцепив руки за спиной, неподвижно стояла в гостиной перед висевшей на стене картиной.

– Аня, о чем ты думаешь? – спросила Марилла резко.

Аня, вздрогнув, вернулась на землю.

– Об этом. – Она указала на картину – довольно яркую репродукцию под названием «Христос, благословляющий детей». – Я воображала, что я – вон та печальная девочка, в голубом платье, которая стоит в уголке. Я думаю, она сирота. Но ей тоже хотелось получить благословение, и она пробралась в уголок, надеясь, что никто ее не заметит, никто, кроме Христа. У нее сильно билось сердце и руки похолодели, как у меня, когда я спросила вас, оставите ли вы меня здесь. Она боялась, что Он может не заметить ее. Но Он взглянул на нее и положил руку ей на голову, и ах какой радостный трепет охватил ее!

– Аня, – сказала Марилла, удивляясь, почему она уже давно не прервала речь девочки, – когда я тебя за чем-нибудь посылаю, не фантазируй перед картинами, а возвращайся сразу. Возьми открытку и пойдем в кухню. Теперь сядь в углу и выучи молитву наизусть.

Аня прислонила открытку к кувшину, в котором стояли цветущие яблоневые ветки. Она принесла их перед обедом, чтобы украсить стол. Марилла косо посмотрела на это украшение, но ничего не сказала. Девочка оперла подбородок на руки и несколько минут прилежно учила.

– Марилла, – неожиданно снова окликнула она, – как вы думаете, я найду в Авонлее задушевную подругу? По-настоящему родственную душу, которой я могла бы поверять самое сокровенное?

– Диана Барри живет в Садовом Склоне. Она примерно твоего возраста, и вы с ней сможете играть, когда она вернется домой. Она сейчас гостит у своей тети в Кармоди. Но тебе придется обратить внимание на свое поведение. Миссис Барри не позволит Диане играть с девочкой, которая плохо воспитана.

Аня взглянула на Мариллу через ветки яблони полными любопытства глазами:

– А какая она, Диана? У нее не рыжие волосы? Надеюсь, что нет. Достаточно того, что у меня рыжие. Я не смогла бы перенести этого еще и у задушевной подруги.

– Диана очень красивая девочка. И она послушная и сообразительная, а это лучше, чем быть красивой.

– Я так рада, что она красивая! Иметь красивую задушевную подругу – это почти как самой быть красивой. У миссис Томас в гостиной стоял шкаф со стеклянной дверцей, и я обычно представляла, что мое отражение в стекле – это девочка, которая живет в шкафу. Я назвала ее Кейти Морис и подолгу беседовала с ней по воскресеньям. Мы воображали, что книжный шкаф заколдован и что если бы я знала волшебное слово, то могла бы открыть дверь и войти в комнату, где живет Кейти, и она повела бы меня туда, где полно цветов, солнечного света и фей, и мы всегда жили бы там счастливо. У миссис Хаммонд не было книжного шкафа. Но в долине возле реки было прелестнейшее эхо. Я вообразила, что это девочка по имени Виолетта, и мы с ней дружили. Вечером накануне моего отъезда в приют я сказала Виолетте «прощай», и ее «прощай» вернулось ко мне со слезами в голосе. Я так привязалась к ней, что у меня не достало духу вообразить задушевную подругу в приюте... даже если бы там был простор для воображения.

– Очень хорошо, что его там не было, – заметила Марилла сухо. – Тебе будет полезно иметь настоящую живую подругу, чтобы у тебя не было таких фантазий в голове.

– Смотрите, пчела вылетела из цветка яблони! Подумать только, жить в цветке! Как я хотела бы быть пчелой!

– Вчера ты хотела быть чайкой, – фыркнула Марилла. – Пойди к себе в комнату и доучи молитву как следует. А потом я позову тебя, и ты поможешь мне приготовить чай.

– Можно мне взять цветы с собой?

– Нет, не замусоривай комнату. И вообще, следовало оставить цветы на дереве.

– Я тоже это почувствовала, – сказала Аня. – Я не должна была сокращать их прелестную жизнь. Если бы я была цветком, я не хотела бы, чтобы меня сорвали. Но искушение было непреодолимым. Что вы делаете, когда сталкиваетесь с непреодолимым искушением?

– Аня, ты слышала, что я велела тебе сделать?

Аня вздохнула, удалилась в свою комнату в мезонине и села на стул у окна.

– Ну вот, я доучила молитву, пока поднималась по лестнице... Теперь я вообразу, что эта комната выглядит совсем иначе. Пол покрыт белым бархатным ковром в пунцовых розах, а на окнах пунцовые шелковые шторы. Стены увешаны гобеленами из золотой и серебряной парчи, а вся мебель из красного дерева. Я никогда не видела красного дерева, но это звучит роскошно. Я высокая, царственно прекрасная, и на мне платье из белых кружев. Мои волосы черны, как ночь, а кожа бела, как слоновая кость. Мое имя – леди Корделия Фитцджеральд... Нет-нет...

Она подбежала к маленькому зеркалу, висевшему над треугольным столиком. Из зеркала на нее взглянуло веснушчатое лицо с острым подбородком и серьезными серыми глазами.

– Ты всего лишь Аня из Зелёных Мезонинов, а не леди Корделия, – сказала она строго. – Но в миллион раз лучше быть Аней из Зелёных Мезонинов, чем Аней из ниоткуда, правда?

Глава 9. Миссис Рейчел Линд ужасно возмущена

Прошло две недели с момента появления Ани в Зелёных Мезонинах, а миссис Линд еще не пришла на нее посмотреть. Виной тому был тяжелый не по сезону грипп, приковавший почтенную женщину к постели. Но, как только она смогла встать, сразу же поспешила в Зелёные Мезонины, разрываясь от любопытства.

В прошедшие две недели Аня не теряла зря ни минуты: она уже знала каждое дерево и каждый кустик около дома, успела обследовать тропинку, начинавшуюся за садом, прогуляться по берегу ручья, полюбоваться кристально чистым ключом в долине, побродить под густыми елями, на ветвях которых сверкали серебром тонкие паутинки и под которыми в таинственном сумраке белели нежные ландыши. И каждый раз, вернувшись с прогулки, она увлеченно рассказывала Мэтью и Марилле о своих чудесных «открытиях».

Когда миссис Линд пришла в Зелёные Мезонины, Аня бродила по саду, расцвеченному красноватым вечерним солнцем. Так что у почтенной дамы была отличная возможность поведать Марилле о своей болезни, с явным удовольствием расписав каждую боль и биение сердца. Когда подробности были исчерпаны, миссис Линд обратилась к главной цели своего визита.

– У вас, как я слышала, неожиданные перемены. Ужасная ошибка! – Миссис Линд сочувственно покачала головой. – Неужели вы не могли отправить девочку обратно?

– Могли, но Мэтью она приглянулась. Да мне и самой она нравится. Хочешь взглянуть на нее? Сейчас я ее позову.

Аня вбежала в комнату. Лицо ее еще сияло восторгом нового «открытия», сделанного в саду. Но неожиданно оказавшись в обществе незнакомой женщины, она растерянно остановилась в дверях.

– Да-а, выбрали тебя не за красоту, это точно! – Миссис Линд была одной из тех восхитительных особ, которые гордятся тем, что говорят обо всем прямо и открыто. – Марилла, она ужасно тощая и некрасивая. Да видал ли кто столько веснушек? А волосы – красные, прямо морковка! Подойди ко мне, детка, я хочу тебя получше рассмотреть.

Аня «подошла», но совсем не так, как ожидала почтенная дама. Одним прыжком она пронеслась через кухню и остановилась перед миссис Линд с красным от гнева лицом; губы ее кривились, вся тоненькая фигурка дрожала.

– Я вас ненавижу! – закричала она, задышавшись и топая ногой. – Как вы смее называть меня тощей и некрасивой? Как вы смее говорить, что у меня веснушки и рыжие волосы? Вы грубая, невоспитанная, бесчувственная женщина! Как вы смее говорить такое обо мне? Как бы вам понравилось, если бы вам сказали, что вы толстая и неуклюжая и что у вас нет даже искры воображения? Меня не волнует, если я раню ваши чувства, когда это говорю!

– Да видел ли кто подобное? – воскликнула ошеломленная миссис Линд.

– Аня, пойдی в свою комнату и оставайся там, пока я не приду, – сказала Марилла, с трудом обретая дар речи.

Аня, разразившись слезами, бросилась за дверь.

– Ну, не завидую тебе, Марилла, что ты будешь это воспитывать, – заявила миссис Линд с неопиcуемой торжественностью.

Марилла открыла рот, чтобы произнести какие-то слова извинения, но неожиданно для себя сказала:

– Тебе не следовало насмехаться над ее внешностью, Рейчел.

– Марилла, ты считаешь, что можно найти оправдание такому кошмарному поведению? – спросила миссис Линд раздраженно.

– Нет, я не оправдываю ее, – сказала Марилла медленно. – Она вела себя ужасно, и мне придется поговорить с ней об этом. Но не будем забывать, что ее никогда не учили владеть собой. А ты была слишком жестока к ней, Рейчел.

Миссис Линд поднялась с видом оскорбленного достоинства.

– Похоже, мне придется быть очень осторожной в выражениях, так как деликатные чувства сирот, вывезенных неизвестно откуда, стоят здесь на первом месте. О нет, я не сержусь. Мне слишком вас жаль. Вам придется нелегко с этим ребенком. Но если бы ты приняла мой совет – чего ты, я полагаю, не сделаешь, хотя я воспитала десять детей, – ты «поговорила» бы с ней хорошей березовой розгой.

И миссис Линд с достоинством выплыла из комнаты – если только можно сказать так о толстой женщине, которая всегда ходит вразвалку, – а Марилла с очень серьезным лицом направилась в мезонин.

Поднимаясь по лестнице, она размышляла о том, что же ей следует предпринять. Дружеский совет употребить березовую розгу не привлекал Мариллу. Она не представляла себе, что может бить ребенка. Но необходимо было как-то заставить Аню осознать всю тяжесть ее проступка.

Аня лежала ничком на постели и горько плакала, не обращая внимания на то, что грязные ботинки пачкают чистое покрывало.

– Аня, – сказала Марилла без суровости в голосе, – встань с кровати и послушай, что я тебе скажу.

Аня сползла с кровати и села на стул, стоявший рядом. Лицо ее распухло и было мокрым от слез. Она упрямо не поднимала глаз.

– Хорошо же ты себя ведешь, Аня! Тебе не стыдно?

– Она не имела никакого права называть меня некрасивой и рыжей, – отвечала Аня с упрямом.

– Ты тоже не имела никакого права впадать в гнев. Не понимаю, почему тебя так задело, когда миссис Линд сказала, что ты рыжая и некрасивая. Ты сама это не раз говорила.

– Но ведь это большая разница, когда вы говорите что-то о себе и когда слышите то же самое от других. Только вообразите, что вы почувствовали бы, если бы кто-нибудь сказал вам в лицо, что вы тощая и некрасивая, – оправдывалась Аня в слезах.

Давнишнее воспоминание неожиданно ожило в памяти Мариллы. Она была еще совсем маленькой, когда услышала, как ее тетки в разговоре между собой называли ее «невзрачной и некрасивой». Марилле было уже пятьдесят, когда она наконец смогла забыть об этих так ужаливших ее словах.

– Да, Рейчел слишком прямолинейна, – сказала Марилла чуть мягче. – Но она незнакомая женщина, намного старше тебя и к тому же моя гостья – вот три достаточных повода, чтобы ты отнеслась к ней с уважением. Ты же была грубой и дерзкой, и, – в голову Марилле пришла спасительная идея наказания, – ты должна пойти к ней и попросить прощения.

– Я не могу это сделать, – заявила Аня решительно и мрачно. – Можете наказать меня любым способом. Заприте меня в темном, сыром подвале, где живут змеи и жабы, держите на хлебе и воде – я не буду жаловаться. Но я не могу попросить прощения у миссис Линд.

– У нас нет обыкновения запирают людей в темных, сырых подвалах, – сказала Марилла холодно, – да их и не существует в Авонлее. Но извиниться перед миссис Линд тебе придется, иначе ты останешься в своей комнате до тех пор, пока не скажешь мне, что готова это сделать.

– Значит, мне придется остаться здесь на всю жизнь, – сказала Аня скорбно. – Я ничуть не жалею о том, что ей сказала. Я даже не могу вообразить, что жалею об этом.

– Может быть, твое воображение заработает лучше завтра утром, – сказала Марилла, вставая, чтобы уйти. Она была сердита на себя не меньше, чем на Аню, потому что, как только ей вспоминалось ошеломленное лицо миссис Линд, губы ее невольно растягивались в улыбке.

Глава 10. Аня просит прощения

В тот вечер Марилла ничего не сказала Мэтью о случившемся, но на следующее утро пришлось объяснить, почему Ани нет за завтраком.

– Неплохо, что Рейчел Линд осаждали. Надоедливая старая сплетница! – сказал Мэтью.

– Мэтью, ты меня удивляешь! Поведение Ани было отвратительным. По-твоему, она не заслуживает наказания?

– Ну... наверное, ее надо немножко наказать, – отвечал Мэтью смущенно. – Но не будь слишком сурова. Ты ведь дашь ей поесть?

– Когда это я голодом принуждала людей к хорошему поведению? – спросила Марилла возмущенно. – Я отнесу еду ей наверх. Но она останется там, пока не согласится извиниться перед миссис Линд.

Завтрак, обед и ужин прошли в молчании, так как Ани по-прежнему не было за столом. Каждый раз после еды Марилла относила в мезонин полный поднос кушаний и потом приносила его обратно почти в том же виде. Вечером Мэтью с беспокойством присмотрелся к содержимому последнего принесенного сверху подноса. Неужели Аня целый день ничего не ела?

Как только Марилла пошла за коровами на дальнее пастбище, Мэтью незаметно проскользнул в дом и поднялся по лестнице в мезонин.

Аня сидела на стуле у окна, печально глядя в сад. Она казалась такой маленькой и несчастной, что у Мэтью дрогнуло сердце. Он бесшумно прикрыл за собой дверь и на цыпочках подошел к ней.

– Как ты тут, Аня? – прошептал он, словно боясь, что их подслушивают.

– Неплохо. – Аня с трудом улыбнулась. – Я много воображаю, и это помогает приятнее проводить время. Конечно, мне довольно одиноко. Но ничего, я скоро привыкну.

Она опять улыбнулась, храбро глядя в будущее – на долгие годы предстоящего ей одиночного заключения.

– Послушай, Аня, может, лучше поскорее покончить с этим? – прошептал Мэтью. – Марилла – ужасно упрямая женщина. Сделай, как она хочет. Загладь это, так сказать... Попроси прощения, и все будет позади.

– Пожалуй, я могу это сделать ради вас, – сказала Аня задумчиво. – Ведь теперь мне в самом деле стыдно, что я так вела себя. Я ужасно злилась и вчера, и всю ночь. Я трижды просыпалась и каждый раз была просто в бешенстве. А сегодня утром мне стало стыдно. Но казалось унижительным пойти и сказать об этом миссис Линд, так что я предпочла остаться взаперти на всю жизнь. Но... если вы хотите...

– Конечно хочу. Там внизу ужасно одиноко без тебя. Сходи и извинись... будь умницей.

– Хорошо, – согласилась Аня. – Я скажу Марилле, как только она придет, что раскаялась.

– Правильно. Только не говори ей, что я к тебе приходил. Я обещал не вмешиваться. – И Мэтью исчез за дверью, испуганный собственным успехом.

Вернувшись в дом Марилла была приятно удивлена, услышав жалобный голосок, звавший сверху через перила лестницы:

– Марилла!

– Ну, что такое? – спросила она, входя в переднюю.

– Мне стыдно, что я говорила грубости, и я согласна пойти и сказать это миссис Линд.

– Очень хорошо, – отвечала Марилла, ничем не выдав своего облегчения. Перед этим она уже с беспокойством думала о том, что же ей делать, если Аня не захочет уступить.

И вот после вечерней дойки Марилла и Аня отправились вместе к миссис Линд, первая – с поднятой головой и торжествующая, вторая – сгорбившаяся и подавленная. Но на полпути

Анина подавленность исчезла, словно по волшебству. Она вскинула голову и легко шагала вперед, устремив глаза на закатное небо.

– О чем ты думаешь, Аня? – спросила недовольная этой переменной Марилла.

– О том, что я должна сказать миссис Линд, – отвечала Аня мечтательно.

Аня оставалась радостной и сияющей, пока они не предстали перед миссис Линд, сидевшей с вязаньем у окна своей кухни. Тогда радость исчезла, и во всех чертах Ани явилось унылое раскаяние. Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, Аня упала на колени перед изумленной миссис Линд и с мольбой протянула к ней руки.

– Миссис Линд, я никогда не смогу выразить все мое огорчение... даже если воспользуюсь всеми словами словаря, – сказала она с дрожью в голосе. – Вы должны просто это вообразить. Было отвратительно с моей стороны – поддаться гневу из-за того, что вы сказали мне правду. Да, у меня рыжие волосы, и я веснушчатая, тощая и некрасивая. То, что я сказала вам, тоже было правдой, но мне не следовало этого говорить. Миссис Линд, прошу вас, пожалуйста, простите меня! Если вы не простите, это будет трагедия всей моей жизни. Ведь вы не хотите быть причиной трагедии всей жизни бедной маленькой сироты, даже если у нее ужасный характер? Прошу вас, скажите, что вы прощаете меня, миссис Линд.

Аня сложила руки, склонила голову и ждала приговора.

Ни у Мариллы, ни у миссис Линд не было никаких сомнений в ее искренности. Но первая из них с ужасом поняла, что Аня наслаждалась полнотой своего смирения, превратив наказание в настоящее удовольствие.

Но миссис Линд поняла только, что Аня принесла извинения по всем правилам, и чувство обиды исчезло в ее добром сердце.

– Ну, ну, встань, детка, – сказала она ласково. – Конечно я тебя прощаю. Я, наверное, сказала тогда кое-что лишнее. Но уж такая я откровенная, все прямо говорю. Ты не принимай это близко к сердцу. Волосы у тебя в самом деле ужасно рыжие, но я знала одну девочку, и волосы у нее в детстве были точно такие, как у тебя, но когда она выросла, они потемнели и стали красивого каштанового цвета. Я совсем не удивлюсь, если и твои потемнеют.

– Вы дарите мне надежду, миссис Линд! – Аня глубоко вздохнула, поднимаясь с колен. – А теперь можно мне пойти в сад и посидеть на скамейке, пока вы с Мариллой будете разговаривать? Там гораздо больше простора для воображения.

– Конечно, беги, детка. Можешь нарвать себе белых лилий; они растут в уголке возле скамьи.

Когда дверь за Аней закрылась, миссис Линд поднялась, чтобы зажечь лампу.

– Необычная девчушка, но есть в ней что-то привлекательное. Я не удивляюсь теперь, что вы с Мэтью взяли ее, и не боюсь за вас. Конечно, у нее странная манера выражаться. Но это пройдет, когда она поживет с цивилизованными людьми. И характер у нее несдержанный. Но в этом есть хорошая сторона. Вспыхнет да и остынет, но не будет хитрить и обманывать. А вообще, Марилла, она, похоже, мне нравится.

Когда Марилла направилась домой, Аня выбежала из душистых сумерек сада с охапкой белых цветов в руках.

– Я хорошо извинилась, правда? – спросила она с гордостью. – Я подумала, что раз уж мне придется это сделать, то нужно сделать как следует.

– Ты сделала все как следует, – согласилась Марилла, с ужасом чувствуя, что при воспоминании об этом извинении ей хочется рассмеяться.

Глава 11. Воскресная школа

– Ну как? Тебе они нравятся? – спросила Марилла.

Аня стояла в комнате в мезонине, серьезно глядя на три новых платья, разложенных на кровати. Марилла сшила их сама из дешевой ткани, купленной на распродаже, и не слишком мудрила с фасоном – прямая юбка, прямой лиф и прямые узкие рукава.

– Я воображу, что они мне нравятся.

– Не хочу, чтобы ты это воображала, – возразила Марилла обиженно. – Но почему они тебе не нравятся? Ведь они аккуратно сшиты, чистые, новые!

– Они... они некрасивые, – сказала Аня неохотно.

– Некрасивые! – фыркнула Марилла. – Зато скромные и практичные! Коричневое и голубое будешь носить в школу, а клетчатое – в церковь.

– Я очень вам благодарна за платья, – сказала Аня. – Но была бы еще благодарнее, если бы вы сделали буфы на рукавах. Это сейчас так модно. Я испытала бы такую дрожь наслаждения, если бы надела платье с буфами на рукавах.

– Обойдешься без дрожи. Повесь платья в шкаф, а потом сядь и приготовь урок для воскресной школы. Я взяла для тебя учебник у мистера Белла. Завтра пойдешь в воскресную школу, – сказала Марилла и ушла, уязвленная до глубины души.

– Я надеялась, что хотя бы одно платье будет с буфами, – прошептала Аня, заломив руки. – Я даже молилась об этом, но у Бога, конечно, не нашлось времени, чтобы заняться платьем бедной сироты.

На следующее утро головная боль помешала Марилле самой отвести Аню в воскресную школу.

– По дороге в церковь зайди к миссис Линд, – сказала она Ане. – Она отведет тебя в нужный класс. Останься послушать проповедь – миссис Линд укажет тебе нашу скамью в церкви. Вот цент на денежное пожертвование. Не разглядывай прихожан и не вертись на скамье. Когда вернешься, расскажешь, о чем говорилось в проповеди.

Аня отправилась в путь, облаченная в черно-белое сатиновое платье, которое своим фасоном подчеркивало каждый угол и выступ на ее худенькой фигурке. Новая морская шляпа своей простотой разочаровала Аню, втайне грезившую о лентах и цветах. Последнее упущение было, впрочем, быстро исправлено: Аня нарвала лютиков и диких розочек, сплела венок и, украсив им шляпу, весело зашагала дальше.

Миссис Линд дома не оказалось: она уже ушла. Аня продолжила свой путь. На крыльце церкви она оказалась в толпе нарядных девочек. Все они с любопытством таращили глаза на незнакомку с необыкновенным украшением на голове, и перешептывались, прикрываясь своими учебниками. Никто даже не попытался по-дружески обратиться к ней ни в церкви, ни позднее в классе воскресной школы.

– Ну, как тебе понравилась воскресная школа? – пожелала узнать Марилла, когда Аня вернулась домой. Анин венок увял, и она выбросила его по дороге, так что Марилла еще несколько дней пребывала в неведении относительно этого удивительного украшения.

– Ни капельки не понравилась!

– Аня! – воскликнула Марилла с упреком.

Аня тяжело вздохнула, опустила на стул и поцеловала один из листьев Милочки.

– Ей, наверное, было одиноко без меня, – объяснила она. – Ну вот, теперь о воскресной школе. Я все сделала, как вы велели. Миссис Линд уже не было дома, и я пошла одна. Я вошла в церковь вместе с толпой других девочек и села в углу на скамье у окна. Мистер Белл читал ужасно длинную молитву. Он, наверное, страшно бы мне надоел, но я глядела в окно и воображала всякие чудесные вещи.

– Нужно было слушать мистера Белла!

– Но он обращался не ко мне, – возразила Аня. – Он обращался к Богу, но сам, похоже, думал, что Бог слишком далеко и не слышит. Потом мне велели идти в класс мисс Роджерсон. Там было еще девять девочек. У всех были рукава с буфами. Я попыталась вообразить, что у меня такие же, но это оказалось ужасно трудно там, где у всех остальных были настоящие буфы.

– Нужно было думать не о платьях, а о том, что говорит учительница. Надеюсь, ты хорошо знала урок.

– О да! Я ответила на множество вопросов мисс Роджерсон. Я думаю, это было несправедливо, что она одна спрашивала. Мне тоже о многом хотелось ее спросить, но я не стала, потому что она не показалась мне родственной душой. После урока я попросила ее – так как миссис Линд была далеко – указать мне вашу скамью в церкви. Я сидела так смирно, как только могла, а текст для проповеди был из Апокалипсиса, третья глава, стихи второй и третий. Проповедь была ужасно длинная. Я думаю, священнику самому было ни капельки не интересно. Все его несчастье, в том, что у него мало воображения. Я его почти не слушала.

Все сказанное заслуживало сурового осуждения, но Марилла беспомощно сознавала, что и сама втайне всегда думала то же самое о проповедях священника и молитвах ректора воскресной школы, хотя никогда не позволяла себе высказать эти мысли вслух.

Глава 12. Торжественная клятва

Только в следующую пятницу Марилла узнала о шляпе, украшенной венком цветов.

– Аня, миссис Линд сказала мне, что в прошлое воскресенье ты была в церкви с каким-то нелепым венком из лютиков и диких розочек на шляпе. Она говорит, что чуть в обморок не упала, когда тебя увидела. Сначала она не смогла добраться до тебя, чтобы велеть тебе снять этот глупый венок, а потом было уже поздно. Разумеется, все подумали, что это я совсем потеряла рассудок, раз позволяю тебе выходить в таком виде.

– Я не думала, что вы будете возражать, – сказала Аня со слезами на глазах. – Может быть, вам лучше отослать меня обратно в приют? Это было бы ужасно, но все же лучше, чем быть для вас сущим наказанием.

– Чепуха! – сказала Марилла, рассердившись сама на себя за то, что довела девочку до слез. – Я лишь хочу, чтобы ты неставляла себя на посмешище. Ну, перестань плакать! У меня есть для тебя хорошая новость: Диана Барри сегодня вернулась домой. Я сейчас пойду к ним, чтобы попросить у миссис Барри выкройку юбки, и, если хочешь, можешь пойти со мной и познакомиться с Дианой.

Аня вскочила, слезы еще блестели у нее на щеках.

– Марилла, мне страшно. Что, если я ей не понравлюсь? Это будет самое трагичное разочарование в моей жизни!

– Ну-ну, нет причины так волноваться. И пожалуйста, не употребляй таких напыщенных выражений. Я уверена, ты понравишься Диане. Но главное для тебя – понравиться ее маме. Ты должна быть вежливой и воспитанной... Господи, да ребенок весь дрожит!

– Вы бы тоже волновались, если бы вам предстояло встретиться с девочкой, в которой вы надеетесь найти душевную подругу, но можете не понравиться ее маме.

Они направились в Садовый Склон кратчайшим путем – по мостику через ручей и потом вверх по поросшему елями склону. Марилла постучала в дверь кухни. Им открыла миссис Барри, высокая черноглазая и черноволосая женщина с решительным выражением лица.

– Как поживаете, Марилла? – сказала она сердечно. – Заходите. Это, наверное, девочка, которую вы взяли на воспитание?

– Да, это Аня Ширли, – сказала Марилла.

Миссис Барри пожала Ане руку и сказала ласково:

– Как поживаешь?

– Я здорова телом, хотя дух мой в смятении, – сказала Аня серьезно и, обернувшись к Марилле, добавила громким шепотом: – Ведь в этом нет никакой напыщенности, правда?

Диана сидела на диване и читала книжку, которую сразу отложила, когда вошли гости. Это была хорошенькая девочка, с черными глазами и волосами, розовыми щечками и веселым выражением лица.

– Вот моя Диана, – сказала миссис Барри. – Диана, отведи Аню в сад и покажи ей свои цветы. Это будет тебе полезней, чем портить глаза над книжкой...

В саду, освещенном ласковыми лучами заходящего солнца, Аня и Диана долго и застенчиво разглядывали друг друга поверх клумбы великолепных тигровых лилий.

– Диана, – сказала наконец Аня, понизив голос почти до шепота, – как ты думаешь... ты сможешь полюбить меня... и стать моей душевной подругой?

Диана засмеялась. Диана всегда смеялась, прежде чем заговорить.

– Да, – сказала она искренне. – Я ужасно рада, что ты будешь жить в Зелёных Мезонинах. Здесь по соседству нет ни одной девочки, с которой можно поиграть, а моя сестра слишком маленькая.

– Давай торжественно пообещаем друг другу навеки быть подругами! – горячо предложила Аня.

– А как это делают? – с интересом спросила Диана.

– Мы должны взяться за руки... вот так, – сказала Аня серьезно. – Правда, это нужно сделать над бегущей водой, но мы можем вообразить, что эта дорожка и есть бегущая вода... Торжественно обещаю быть верной моей задушевной подруге Диане Барри, пока солнце и луна существуют. Теперь ты повтори, только вставь мое имя.

Диана повторила «торжественное обещание», рассмеявшись в начале и в конце. Потом она сказала:

– Ты странная девочка, Аня. Но мне кажется, я буду тебя очень любить.

Когда Марилла и Аня отправились домой, Диана проводила их до самого мостика через ручей. Девочки шли обнявшись. Расставаясь, они несколько раз пообещали друг другу провести вместе завтрашний день.

– Ну как, нашла ты в Диане родственную душу? – спросила Марилла, когда они уже шли через свой сад.

– О да! – вздохнула Аня блаженно, не замечая насмешки в словах Мариллы. – В эту минуту я – самая счастливая девочка на острове Принца Эдуарда. У Дианы день рождения в феврале, а у меня в марте. Вам не кажется, что это очень необычное стечение обстоятельств? Мы собираемся построить в березовой роще домик для игры. А еще Диана даст мне почитать захватывающую книжку. И покажет место в лесу, где растут лилии. И научит песенке «Нелли в орешнике». И даст картинку, чтобы я повесила ее в моей комнате. Это совершенно прелестная картинка, говорит Диана: прекрасная дама в голубом шелковом платье. Ей дал эту картинку торговец швейными машинами. Жаль, что у меня нет ничего, что я могла бы подарить Диане... А еще мы собираемся пойти к морю собирать ракушки. Мы договорились, что назовем источник возле мостика Ключом Дриад. Я однажды читала рассказ об источнике с таким названием. Я думаю, дриада – это что-то вроде взрослой феи.

– Да-а... Надеюсь только, что ты не заговоришь Диану насмерть, – сказала Марилла. – Но, составляя планы, помни, что нельзя играть целыми днями. У тебя будут обязанности, и они должны стоять на первом месте.

Чаша Аниного счастья уже была полна, но только что вернувшийся из магазина Мэтью ее переполнил. Примирительно взглянув на Мариллу, он вытянул из кармана кулечек и вручил его Ане.

– Ты говорила, что любишь шоколадные конфеты. Вот, я привез для тебя.

– Хм, – фыркнула Марилла, – испортишь ей зубы и желудок. Ну-ну, детка, не смотри так печально. Можешь их съесть, раз уж Мэтью съездил и привез. Только не съедай все сразу, а то заболеешь.

– Я съем сегодня только одну, – заверила Аня. – И можно мне отдать половину конфет Диане? Как приятно иметь что-то, что я могу ей подарить.

– Нужно сказать в похвалу Ане, – заметила Марилла, когда девочка ушла к себе в мезонин, – она не жадная... Всего три недели, как она у нас, а я уже не могу представить наш дом без нее.

Глава 13. Восторги ожидания

– Аня играла с Дианой на полчаса дольше, чем я ей разрешила, – сказала Марилла, взглянув на часы, а затем в окно. – А теперь еще сидит на бревнах рядом с Мэтью и трещит без умолку... Аня, иди сюда сию же минуту!

Аня влетела в комнату с сияющими глазами.

– Ах, Марилла! – воскликнула она, задыхаясь. – На следующей неделе воскресная школа устраивает пикник с мороженым. Только подумайте – мороженое! Можно мне будет пойти?

– Аня, посмотри на часы. Я велела тебе прийти в два, а сейчас без четверти три. Почему ты меня не слушаешься?

– Я стараюсь слушаться, но вы не можете представить, как восхитителен Приют Праздности. А потом я должна была рассказать Мэтью о пикнике. Мэтью такой благодарный слушатель. Я смогу пойти на пикник?

– Тебе придется научиться сопротивляться очарованию Приюта... как его там? И незачем останавливаться по пути для беседы с благодарными слушателями. Что же до пикника, то ты ученица воскресной школы, и нет причины, чтобы я не позволила тебе пойти, если все другие девочки пойдут.

– Но... но... – запинаясь Аня. – Диана говорит, что каждый должен принести с собой корзинку с едой. Я ведь не умею готовить, и мысль о том, что придется пойти без корзинки, угнетает меня с тех пор, как Диана сказала мне об этом.

– Пусть она тебя больше не угнетает. Я испеку все для твоей корзинки.

– Ах, милая Марилла! Ах, вы так добры ко мне! Ах, я так вам благодарна!

После всех этих «ах» Аня бросилась Марилле на шею и в восхищении поцеловала ее бледную щеку. Втайне Марилла была безмерно довольна Аниной порывистой лаской, но сказала немного резко:

– Ну-ну, без глупостей. Лучше бы ты старалась делать все так, как я тебе велю. А что касается кулинарии, я жду, когда ты станешь немного более сосредоточенной, чтобы я могла приучить тебя к кухне. Теперь возьми свое лоскутное покрывало и приходи еще один квадратик, прежде чем сядем пить чай.

– Я не люблю сшивать лоскутки, – сказала Аня, со вздохом усаживаясь перед кучкой красных и белых сатиновых квадратиков. – В этом занятии нет простора для воображения. Хорошо бы время за шитьем шло так же быстро, как когда я играю с Дианой. Мы чудесно играем! Правда, везде, где требуется воображение, приходится постараться мне. Диана же просто совершенство во всех остальных отношениях. Знаете маленькую полянку среди берез за ручьем? Самое романтическое место! Мы с Дианой устроили там себе дом для игры и назвали его Приютом Праздности. Правда, поэтично? А маленький круглый пруд на поле мистера Барри мы назвали Плач Ив. Я взяла это название из той книжки, которую Диана дала мне почитать. Это потрясающая книга. У героини было пять женихов. Мне хватило бы одного, а вам? Она была очень красива и запросто могла упасть в обморок. Я бы очень хотела уметь падать в обморок. Это так романтично. Но я для этого слишком здоровая, хоть и худая. Впрочем, кажется, я чуточку потолстела. Я смотрю по утрам на свои локти, когда встаю, нет ли на них уже ямочек. У Дианы новое платье с рукавами до локтя. Она наденет его на пикник. Только бы была хорошая погода в следующую среду! Я чувствую, что не пережила бы разочарования, если бы что-нибудь помешало мне пойти на пикник.

– Аня, ты говорила целых пять минут; я смотрела на часы, – сказала Марилла. – Теперь, просто любопытства ради, посмотри, сможешь ли ты столько же помолчать.

Аня умолкла на требуемое время, но всю оставшуюся неделю говорила только о пикнике, а в воскресенье, возвращаясь домой из церкви, призналась, что холодная дрожь пробрала ее, когда священник с кафедры объявил о пикнике.

– До этого мне не верилось, что пикник будет на самом деле. Я боялась, что я это только вообразила.

– Ты слишком сильно все переживаешь, – сказала Марилла со вздохом. – Боюсь, в жизни тебя ждет много разочарований из-за этого.

– Но ждать чего-нибудь с нетерпением – это уже половина удовольствия! – воскликнула Аня. – Было бы гораздо хуже ничего не ждать, чем ждать и разочароваться.

В тот день Марилла, как обычно, надела в церковь свою самую большую драгоценность – аметистовую брошку. Впервые увидев эту брошку, Аня пришла в неподдельное восхищение.

– Какая изящная брошка! Можно мне подержать ее одну минуточку? Вам не кажется, что аметисты – это добрые души маленьких фиалок?

Глава 14. Аня признает себя виновной

Во вторник вечером, накануне пикника, Марилла вошла в кухню с озабоченным лицом.

– Аня, – сказала она этой скромной особе, которая лущила горох, весело напевая «Нелли в орешнике», – ты не видала моей аметистовой брошки? Нигде не могу ее найти.

– Я... я видела ее сегодня, – сказала Аня, чуть помедлив. – Я проходила мимо вашей двери и зашла ею полюбоваться.

– Ты трогала ее? – спросила Марилла сурово.

– Да-а, – призналась Аня. – Я взяла ее и на минуточку приколола себе на грудь.

– Это очень нехорошо – заходить в чужую комнату без разрешения и трогать чужие вещи. Куда ты ее положила?

– Я положила ее обратно на комод. Я не думала, что это нехорошо – зайти и примерить брошку. Теперь я вижу, что поступила плохо, и никогда больше этого не сделаю. У меня есть хорошее качество: я никогда не повторяю своих ошибок.

Марилла вернулась в свою комнату, отодвинула комод, вытащила из него все ящики, заглянула в каждую щель, но брошки нигде не было. Пришлось снова вернуться в кухню.

– Аня, брошка пропала. Скажи мне правду. Ты унесла ее и потеряла?

– Нет, я не уносила брошку из вашей комнаты, – сказала Аня, смело встретив гневный взгляд Мариллы.

– Я думаю, ты лжешь, – сказала Марилла сурово. – Пойди к себе в комнату и оставайся там, пока не будешь готова рассказать правду.

– Но ведь завтра пикник! – воскликнула Аня. – Вы выпустите меня на один день? А потом я с радостью буду сидеть взаперти, сколько захотите.

– Никуда не пойдешь, пока не признаешься. Иди к себе в комнату.

Когда Аня ушла, Марилла занялась обычными вечерними делами, но думала только о брошке и об Ане.

«Вряд ли она хотела украсть, – размышляла Марилла. – Просто взяла поиграть, а потом, наверное, потеряла и теперь боится, что ее накажут. Хитрит и лжет. И это огорчает меня даже сильнее, чем потеря брошки».

Утро среды выдалось ясным и солнечным, как будто по заказу для пикника. Птички распевали в саду, березы в долине радостно взмахивали ветвями, словно ожидая от Ани обычного приветствия из окна ее мезонина. Но Ани у окна не было. Когда Марилла принесла наверх завтрак, девочка сидела на постели, бледная и решительная, с плотно сжатыми губами и блестящими глазами.

– Марилла, я готова признаться.

– Наконец-то! – Марилла опустила поднос. И снова ее метод сработал; но успех был слишком горек. – Слушаю тебя, Аня.

– Я взяла вашу аметистовую брошку, – начала Аня, словно повторяя затверженный урок. – Когда я приколола ее на грудь, меня охватило непреодолимое искушение. Я решила взять ее в Приют Праздности и поиграть там в леди Корделию. Я надеялась, что успею положить ее на место, прежде чем вы вернетесь. Я пошла к Приюту Праздности не напрямик, а кругом, чтобы растянуть удовольствие. Когда я проходила по мосту над Озером Сверкающих Вод, я сняла брошку, чтобы еще раз полюбоваться ею. Как она сверкала на солнце! Но когда я наклонилась с моста, она выскользнула у меня из пальцев и пошла ко дну. Она опускалась все глубже и глубже, сверкая всеми оттенками лилового, и исчезла навеки в глубинах Озера Сверкающих Вод... Лучше признаться я не могу.

Марилла опять ощутила, как яростный гнев вскипает в ее груди. Девочка взяла и потеряла ее драгоценную аметистовую брошку, а теперь спокойно расписывает подробности, без малейших угрызений совести!

– Аня, это ужасно! – сказала она, стараясь говорить спокойно.

– Да, – согласилась Аня бесстрастно. – Накажите меня прямо сейчас, чтобы ничто уже не тяготило меня, когда я пойду на пикник.

– Пикник! Никакого пикника тебе не будет! Вот наказание для тебя! И считай, что ты у меня легко отделалась!

– Никакого пикника? – Аня вскочила и схватила Мариллу за руку. – Я призналась только для того, чтобы пойти на пикник! Умоляю, отпустите меня на пикник! Ведь там будет мороженое!

Марилла освободилась от Аниных рук с каменным выражением лица:

– На пикник ты не пойдешь, и ни слова больше.

Аня заломила руки и с горестным криком бросилась на постель, рыдая и извиваясь в приступе безграничного отчаяния.

Это было тягостное утро. Марилла яростно скребла пол на крыльце и полки в молочне. Ни полки, ни крыльцо в этом не нуждались... но в этом нуждалась Марилла. Когда вся посуда была перемыта, опара для хлеба поставлена, а куры накормлены, Марилла вспомнила, что накануне, возвратившись с собрания благотворительного общества и снимая свою черную кружевную шаль, заметила на ней дырочку. Следовало пойти и зачинить ее.

Когда Марилла достала шаль из сундука, солнечный луч, пробравшийся сквозь густо увившие окно побеги плюща, упал на что-то фиолетовое и блестящее, прицепившееся к шали.

– Моя брошка! – воскликнула Марилла ошеломленная. – А я-то была уверена, что она на дне пруда! Теперь я припоминаю, что когда я сняла шаль, то положила ее на минуточку на комод. Наверное, брошка как-то зацепилась за нее своей булавкой. Ну и ну!

С брошкой в руке Марилла отправилась в мезонин. Аня выплакалась и уныло сидела у окна.

– Аня, – сказала Марилла торжественно, – я только что нашла брошку. Она зацепилась за мою черную кружевную шаль. Я хочу знать, что за басни ты рассказывала мне сегодня утром.

– Вы сказали, что будете держать меня здесь, пока я не признаюсь, – отвечала Аня утомленно, – вот я и решила признаться, чтобы все-таки попасть на пикник. Я придумала признание прошлой ночью и постаралась сделать его как можно интереснее.

Марилла рассмеялась, но совесть упрекнула ее.

– Подобного я еще не слыхала! Но это моя вина. Я не должна была сомневаться в твоих словах, раз никогда не слышала от тебя лжи. Конечно, и ты была не права, что призналась в том, чего не делала. Так что, если ты простишь меня, я прошу тебя. А теперь собирайся на пикник.

Аня взвилась, словно ракета фейерверка:

– Ах, Марилла, а не поздно?

– Конечно нет. Умойся, причешись и надень коричневое платье. Я соберу для тебя корзинку с едой. В доме полно печенья и пирожков.

– О, Марилла! – воскликнула Аня, подлетая к умывальнику. – Пять минут назад я думала, что лучше мне было и не родиться на этот свет, а теперь не поменялась бы местами даже с ангелом!

После пикника Аня, совершенно счастливая, хотя и ужасно усталая, вернулась в Зеленые Мезонины в состоянии блаженства, не поддающегося описанию.

– Я сказочно провела время. Сказочно – это новое выражение, которое я сегодня услышала от Мэри Белл. Чай был просто замечательный, а потом мистер Эндрюс катал нас на лодке по Озеру Сверкающих Вод – по шесть человек за раз. И мы ели мороженое! Это было нечто грандиозное!

В тот вечер, штопая чулки, Марилла рассказала обо всем Мэтью.

– Я получила урок на будущее, – заключила она чистосердечно. – Смех меня разбирает, как вспомню Анино «признание». Эту девочку порой трудно понять. Одно бесспорно: с ней в нашем доме никогда не будет скучно.

Глава 15. Буря в школьном стакане воды

В первый день сентября Марилла проводила Аню в школу, питая в душе множество тайных опасений. Однако вечером Аня пришла домой в отличном настроении.

– Думаю, я полюблю школу, – объявила она. – Но я не очень высокого мнения об учителе. Он все время крутит усы и поглядывает на Присси Эндрюс. Присси уже взрослая, ей шестнадцать, и она собирается в следующем году поступать в учительскую семинарию. Тилли Бултер говорит, что учитель в нее по уши влюблен.

– Ты ходишь в школу не для того, чтобы приносить домой сплетни об учителе, – сказала Марилла сурово. – Твое дело учиться. Надеюсь, ты хорошо себя вела.

– О да, – отвечала Аня удовлетворенно. – Это оказалось не так трудно, как можно было бы вообразить. Я сижу с Дианой. Наша парта прямо у окна, и нам видно Озеро Сверкающих Вод. Но я ужасно отстала от других. Все они уже проходят пятую часть учебника, а я только четвертую. Сегодня у нас был диктант. Мистер Филлипс сказал, что у меня чудовищная орфография, и поднял мою грифельную досочку, чтобы все видели, сколько он на ней исправил ошибок. Я думаю, он мог бы быть поделкатнее с новенькой ученицей. Руби Джиллис подарила мне яблоко, а Джейн Эндрюс сказала, что слышала, как Присси Эндрюс сказала Саре Джиллис, что у меня очень красивый нос. Марилла, это правда, что у меня красивый нос?

– Нос твой совсем неплох, – сказала Марилла коротко. Втайне она считала, что у Ани замечательно красивый нос, но отнюдь не собиралась ей об этом говорить.

В школу Аня и Диана ходили вместе. Утром Аня выходила из дома одна и по Тропинке Влюбленных добиралась до ручья. Там ее уже ждала Диана, и они вместе продолжали путь под густыми кронами кленов, пока не добирались до грубо сколоченного маленького мостика. Затем девочки сворачивали с тропинки и шли через поле мимо Плача Ив, через Долину Фиалок, а затем по Березовой Дорожке.

– Я назвала тропинку, по которой выгоняют коров на пастбище, Тропинкой Влюбленных – не потому, что там ходят влюбленные, – объясняла Аня Марилле. – Просто мы с Дианой читаем сейчас совершенно великолепную книжку, и там есть Тропинка Влюбленных. Я придумала название и для лощины возле леса. Мы зовем ее Долиной Фиалок. Фиалок там сейчас нет, но Диана говорит, что весной их там миллионы. А Диана дала название Березовой Дорожке. Она очень захотела, и я согласилась. Хотя, конечно, я сама придумала бы что-нибудь более поэтичное.

Три недели прошли спокойно, и в очередной понедельник ничто не предвещало бури.

– Похоже, сегодня в школе будет Гилберт Блайт, – сказала Диана, когда они с Аней шагали в школу по тропинке под елями. – Все лето он гостил у двоюродных братьев и вернулся домой только в субботу вечером. Он ужасно красивый, Аня. И кошмарно дразнит девочек. Просто отравляет нам жизнь!

По тону Дианы можно было ясно понять, что она предпочитает, чтобы ей отравляли жизнь, чем жить без этого.

– Он, как и ты, проходит только четвертую часть учебника, хотя ему почти четырнадцать, – продолжила она. – Четыре года назад его отец поехал в Альберту лечиться и забрал с собой Гилберта. Они там прожили три года, и Гилберт не ходил в школу почти все это время. Но он хорошо учится и обычно лучший в своем классе.

Когда начался первый урок и мистер Филлипс находился в глубине классной комнаты, слушая ответ Присси Эндрюс по-латыни, Диана шепнула Ане:

– Гилберт Блайт сидит прямо через проход от тебя. Посмотри, правда, он красивый?

Аня взглянула в указанном направлении. Момент для этого был очень удобный, так как Гилберт Блайт был всецело поглощен тем, что потихоньку прикалывал булавкой одну из длин-

ных золотистых кос Руби Джиллис, сидевшей перед ним, к спинке сиденья. Это был высокий мальчик с вьющимися темными волосами и лукавыми карими глазами. В эту минуту Руби Джиллис вскочила, чтобы показать ответ арифметической задачи учителю. Она упала обратно на сиденье с коротким воплем, уверенная, что волосы у нее вырваны с корнем. Все оглянулись на нее, а мистер Филлипс посмотрел так сурово, что Руби расплакалась. Гилберт быстро вытащил булавку и продолжал читать учебник истории с наисерьезнейшим видом; но когда волнение улеглось, он взглянул на Аню и лукаво ей подмигнул.

– Этот Гилберт Блайт и вправду красивый, – призналась Аня Диане, – но что за манера подмигивать незнакомой девочке?

Однако главные события дня начались только после обеда. Мистер Филлипс в заднем углу класса объяснял Присси Эндрюс задание по алгебре, а остальные ученики занимались чем кому нравилось: грызли зеленые яблоки, шептались, рисовали картинки на своих грифельных досочках. Гилберт пытался заставить Аню Ширли взглянуть на него, но безуспешно: она сидела неподвижно, опершись подбородком на руки и устремив глаза в окно, а мыслями была далеко, в великолепной стране грез.

Гилберт перегнулся через проход, потянул за конец одну из длинных рыжих кос Ани и произнес пронзительным шепотом:

– Морковка! Морковка!

Только тогда Аня взглянула на него. И не только взглянула. Она вскочила с места, все ее яркие мечты рухнули безвозвратно.

– Гадкий мальчишка! – воскликнула она страстно. – Как ты смеешь!

И потом – трах! – Аня с размаху опустила свою грифельную досочку на голову Гилберта и расколола ее – досочку, не голову – пополам.

Авонлейская школа всегда была рада любому происшествию. Все воскликнули: «О!» – с испугом и восхищением. Мистер Филлипс прошепствовал вдоль прохода и тяжело опустил руку на Анино плечо.

– Аня Ширли, что это значит?

Аня не ответила. Это было уж слишком – требовать от нее признать перед всей школой, что ее назвали «морковкой». Гилберт решительно вмешался:

– Это я виноват, мистер Филлипс. Я ее дразнил.

Но мистер Филлипс не обратил внимания на Гилберта.

– Мне очень неприятно, что моя ученица выказала такой гнев и мстительность, – сказал он внушительным тоном. – Аня, пойди и встань у классной доски. Будешь стоять там до конца занятий.

С побелевшим и застывшим лицом Аня повиновалась. Мистер Филлипс взял кусок мела и написал на классной доске над ее головой: «У Ани Ширли плохой характер. Аня Ширли должна научиться владеть собой».

Аня простояла остаток дня с этой надписью над головой. Она не плакала; гнев и возмущение еще кипели в ее душе. Что же до Гилберта, то она даже не взглянула на него. Она никогда больше на него не посмотрит! Она никогда не будет с ним разговаривать!!!

Когда занятия кончились, Аня вышла из школы, гордо подняв рыжую голову. Гилберт попытался перехватить ее на крыльце.

– Мне ужасно жаль, что я посмеялся над твоими волосами, Аня, – прошептал он с раскаянием. – Не обижайся на меня навсегда!

Аня прошла мимо торжественной поступью, даже не подав вида, что слышала эти слова.

Вероятно, тем бы дело и кончилось, если бы больше ничего не случилось. Но очень часто за одним несчастьем следует другое.

Ученики авонлейской школы часто проводили обеденный перерыв, собирая сосновую смолу в соседнем лесу. Оттуда детям хорошо был виден дом Эбена Райта, где столовался учи-

тель. Стоило им заметить, что мистер Филлипс выходит оттуда после обеда, как они бегом бросались к школе. Но расстояние, которое им нужно было преодолеть, было в три раза больше, чем длина дорожки, по которой шел учитель, и потому они добежали до школы, задыхающиеся и обессиленные, на три минуты позже него.

На следующий день после описанных событий мистер Филлипс, перед тем как отправиться на обед, объявил, что требует, чтобы к его возвращению все ученики сидели на местах. Всякий, кто явится позднее, будет наказан.

Все мальчики и некоторые девочки, как обычно, побежали за смолой в лес с твердым намерением задержаться там лишь на несколько минут. Но в лесочке было так приятно, а золотистые капли смолы казались такими соблазнительными! Дети болтали и слонялись под деревьями, пока кто-то из мальчиков не крикнул с верхушки старой сосны: «Учитель идет!»

Девочки, которые были на земле, сразу бросились бежать и сумели добраться до школы в последнюю секунду. Мальчикам пришлось, извиваясь, поспешно спускаться с деревьев, и потому они опоздали. Аня, которая, напевая, бродила с венком из ландышей на голове в дальнем конце лесочка, оказалась самой последней и влетела в школу вместе с мальчиками в тот момент, когда мистер Филлипс уже вешал на гвоздь свою шляпу.

Мистеру Филлипсу не хотелось обременять себя, наказывая десяток учеников. Но было необходимо сделать что-то, чтобы сдержать слово, поэтому он оглянулся в поисках козла отпущения и нашел его в Ане, которая упала на свое место, задыхаясь от быстрого бега, с забытым венком из ландышей на голове, съехавшим на одно ухо и придававшим ей особенно озорной вид.

– Аня Ширли, ты, кажется, очень любишь общество мальчиков. Сегодня мы примем твой вкус во внимание, – сказал он язвительно. – Сними цветы с головы и сядь рядом с Гилбертом Блайтом.

Мальчики захихикали. Диана, побледнев от сострадания, сняла венок с Аниной головы и на мгновение сжала ее руку. Аня, словно окаменев, смотрела на учителя. Затем, понимая, что выхода нет, она поднялась с высокомерным видом, села на другой стороне прохода рядом с Гилбертом Блайтом и, положив руки на парту, уткнулась в них лицом.

Для Ани это было ужасное переживание. Ее одну выбрали, чтобы наказать, хотя был еще десяток столь же провинившихся. Еще хуже было то, что ей велели сесть рядом с мальчиком. Но то, что этим мальчиком оказался Гилберт Блайт, делало обиду непереносимой.

Сначала другие посматривали на нее, шептались и хихикали. Но так как Аня не поднимала головы, а Гилберт, решавший задачу на дроби, казалось, предался всей душой этим дробям, то и прочие вскоре занялись своими заданиями, и Аня была забыта. Улучив минуту, когда никто не смотрел, Гилберт достал из парты красный леденец в форме сердечка, на котором золотыми буквами было выведено: «С тобою сладко», – и подсунул его Ане под локоть. Тогда она поднялась, взяла сердечко кончиками пальцев, бросила на пол, раздавила каблучком и приняла прежнюю позу, не осчастливив Гилберта даже взглядом.

Когда занятия кончились, Аня подошла к своей парте, вынула все, что в ней было – книги и тетради, перо и чернила, Библию и арифметику, – и аккуратно сложила на своей расколотой грифельной доске.

– Почему ты все забираешь домой, Аня? – пожелала узнать Диана, как только они оказались на дороге. До этого она не осмеливалась задавать вопросов.

– Я больше не вернусь в школу, – сказала Аня.

– Аня, это нечестно! – воскликнула Диана, почти со слезами. – Мистер Филлипс посадит меня с этой отвратительной Герти Пай... Я знаю, что посадит, ведь она сидит одна.

– Я позволила бы разорвать себя на куски, Диана, если бы это было необходимо для твоего блага, – сказала Аня печально, – но вернуться в школу не могу.

– Только подумай, что ты теряешь, – сокрушалась Диана. – Мы собираемся строить новый домик для игры у ручья. А с понедельника будем играть в мяч. Ты же никогда не играла в мяч, Аня! Это потрясающе интересно! Элис Эндрюс принесет новую книжку, и мы будем читать ее вслух, по одной главе, у ручья. Ты ведь любишь читать вслух, Аня!

Но Аня была непоколебима. Она больше не пойдет в школу к мистеру Филлипсу! Об этом она и объявила Марилле, когда пришла домой.

– Глупости! – сказала Марилла. – Пойдешь завтра в школу, как обычно.

– Нет! – Аня покачала головой. – Мне нанесено оскорбление! Я буду учить все уроки дома, буду стараться вести себя как можно лучше и все время молчать, если это вообще возможно. Но в школу я не вернусь!

«Бесполезно увещевать Аню теперь, – сказала себе Марилла. – Пойду-ка я и посоветуюсь с Рейчел. Она наверняка уже слышала всю историю».

Миссис Линд, как обычно, сидела у окна и с удовольствием вязала.

– Я думаю, ты знаешь, почему я пришла, – сказала Марилла немного смущенно.

– Догадываюсь, – кивнула миссис Линд. – Из-за этой истории с Аней в школе. Тилли Бултер заходила сюда по пути домой и обо всем мне рассказала.

– Не знаю, что с ней делать, – вздохнула Марилла. – Она объявила, что не вернется в школу. Что ты посоветуешь, Рейчел?

– Ну, раз уж ты спрашиваешь моего совета, – сказала миссис Линд любезно – миссис Линд ужасно любила, чтобы у нее спрашивали совета, – я пошла бы ей навстречу. Мистер Филлипс был прав вчера, когда наказал ее за вспышку гнева. Но сегодня он должен был наказать всех, кто опоздал вместе с Аней. Да и что это за наказание – сажать девочку рядом с мальчиком? Это бестактно. Тилли Бултер целиком на Аниной стороне и говорит, что весь класс тоже.

– Ты действительно думаешь, что мне лучше позволить ей остаться дома? – с удивлением уточнила Марилла.

– Да. Я не стала бы посылать ее в школу, пока сама не запросится. Положись на меня, Марилла. Она остынет через неделю или две и сама охотно вернется в класс. Она не очень много потеряет, если неделю не походит в такую школу. Как учитель мистер Филлипс никуда не годится. Он не уделяет достаточного внимания малышне, а все время тратит на старших, которых готовит в учительскую семинарию...

Марилла последовала совету миссис Линд. Аня учила уроки дома, помогала по хозяйству, а в холодные красноватые осенние сумерки играла с Дианой. Но когда она встречала на дороге Гилберта Блайта или сталкивалась с ним в воскресной школе, то проходила мимо, обдавая его ледяным презрением.

Глава 16. Трагические последствия чаепития

– Аня, – сказала Марилла в субботу, – я иду на собрание благотворительного общества и вернусь поздно. Тебе придется накрыть к ужину для Мэтью, так что не забудь заварить чай заранее, прежде чем сядете за стол, а не как в прошлый раз.

– Да, ужасно, что я тогда об этом забыла, – сказала Аня виновато, – но это случилось в тот день, когда я пыталась придумать название Долине Фиалок, и это совершенно вытеснило все остальные мысли у меня из головы. Но Мэтью совсем не рассердился. Он сам насыпал чай в заварной чайник и сказал, что можно и подождать. А я рассказала ему чудесную сказку, пока мы ждали, и время прошло незаметно.

– На этот раз постарайся сохранять голову на плечах. И... не знаю, правильно ли я поступаю... может быть, от этого ты будешь только еще более рассеянной... можешь пригласить Диану и угостить ее чаем.

– Ах, Марилла! – Аня сложила руки. – Уж конечно я не забуду заварить чай, если у меня будет гостя. Я так и воображаю, как сижу на месте хозяйки и разливаю чай. Я спрошу Диану, пьет ли она с сахаром. Я знаю, что нет, но все равно спрошу, как будто не знаю. Можно мне принять ее в парадной гостиной? И взять парадный сервиз?

– Разумеется, нет! Маленькая гостиная вполне подойдет для тебя и твоей гостьи. Возьмешь старую коричневую чайную посуду. Но можешь открыть желтый горшочек с вишневым вареньем и отрезать кусок фруктового пирога. А еще на второй полке в шкафу в маленькой гостиной стоит полбутылки малинового сиропа. Можете выпить его с печеньем, если хотите.

Аня пустилась бегом к Садовому Склону, чтобы пригласить Диану на чай. В результате, как только Марилла вышла из дома, явилась Диана в одном из своих лучших платьев и именно с таким видом, какой должен быть, когда вас пригласили на чай. Она чопорно постучала в парадную дверь. И когда Аня, тоже в одном из своих лучших платьев, так же чопорно открыла, девочки пожали друг другу руки так серьезно, как будто никогда прежде не встречались. С той же неестественной торжественностью Диана была приглашена в маленькую гостиную, где минут десять сидела в изящной позе и любезно беседовала с Аней о погоде, здоровье домашних и урожае этого года. Но когда заговорили о яблоках, Аня забыла о напускной важности и с живостью предложила пойти в сад и нарвать «красных сладких».

– Пойдем, Диана! Марилла сказала, что мы можем взять все, которые остались на дереве!

Расположившись в уголке сада, где пригревало мягкое осеннее солнце, девочки хрустели яблоками и болтали наперебой. У Дианы было много школьных новостей. Ей пришлось сесть с Гerti Пай, и это ужасно: Гerti все время скрипит грифелем, и от этого у нее, Дианы, кровь стынет в жилах. Руби Джиллис вывела все свои бородавки – честное слово! – волшебным камнем, который ей дала старая Мэри Джо. Нужно потереть бородавки этим камнем, а потом бросить его через левое плечо в новолуние – и все бородавки сойдут. У Мэтти Эндрюс новый красный капор и голубая шаль с кистями, и она так важничает из-за этого, что смотреть противно... И все в школе скучают без Ани и хотят, чтобы она вернулась, а Гилберт Блайт...

Но Аня не желала и слышать про Гилберта Блайта. Она вскочила и предложила пойти в дом, чтобы выпить малинового сиропа.

На второй полке шкафа бутылки с сиропом не оказалось. Ее удалось обнаружить в глубине верхней полки. Аня поставила ее на поднос вместе со стаканами и подала на стол.

– Пожалуйста, угощайся, Диана. Сама я не буду пока пить. Я так наелась яблок, что ничего не хочу.

Диана налила себе полный стакан сиропа и изящно выпила.

– Потрясающе вкусный! – сказала она.

– Я рада, что тебе нравится. Пей сколько хочешь. Я побегу, помешаю поленья в камине. Ведение домашнего хозяйства накладывает огромную ответственность, правда?

Когда Аня вернулась из кухни, Диана допивала второй стакан сиропа, а в ответ на любезные уговоры Ани не отказалась и от третьего. Стакан был вместительный, а малиновый сироп замечательно вкусный.

– Вкуснее я никогда не пила, – сказала Диана.

– Да, у Мариллы все получается очень вкусно, – заявила верная Аня. – Она старается и меня научить готовить, но это нелегко. На кухне так мало простора для воображения. Последний раз, когда я пекла пирог, я забыла положить муку, потому что придумывала чудеснейшую историю о нас с тобой, Диана. Я думала, будто ты заболела оспой и все тебя покинули, но я неустрашимо осталась у твоей постели, выходила тебя и вернула к жизни, но сама заразилась оспой и умерла. Это была такая трогательная история! Слезы так и текли у меня по щекам, когда я замешивала тесто. Но я забыла про муку, а без муки не может быть пирога. Марилла очень рассердилась. Я для нее сущее наказание! А во вторник на прошлой неделе у нас к обеду был пудинг. Половина его и горшочек соуса остались, и Марилла велела мне поставить все это в кладовую и накрыть горшочек крышкой. Но когда я несла горшочек и кастрюлю в кладовую, я вообразила, что я монахиня, навсегда похоронившая в тиши монастыря свое разбитое сердце. И я забыла накрыть соус. Я вспомнила об этом на следующее утро и побежала в кладовую. Диана, ты не можешь вообразить мой ужас, когда я увидела, что в соусе утонула мышь! Я вытащила ее оттуда ложкой и выбросила во двор, а потом вымыла ложку в трех водах. Марилла в это время доила коров, и я собиралась спросить ее, когда она вернется, не вылить ли соус свиньям, но когда она пришла, я как раз воображала, что я фея холода, которая, пробегая по лесу, делает деревья желтыми или красными, как они захотят, и я не вспомнила о соусе, а Марилла послала меня собирать яблоки. Ну вот, а в тот день к нам приехали в гости мистер и миссис Росс, очень благовоспитанные и утонченные люди. Когда Марилла позвала меня из сада, обед уже был готов и все сидели за столом. Я старалась казаться как можно вежливее и воспитаннее. Все шло хорошо до той минуты, когда я увидела, что Марилла возвращается из кладовой с пудингом в одной руке и горшочком соуса в другой. Я вскочила с места и закричала: «Марилла, в этом соусе утонула мышь! Я забыла вам сказать!» Ох, Диана, миссис Росс только взглянула на меня, и я чуть не провалилась сквозь землю от стыда. Марилла покраснела как рак, но не сказала ни слова. Она просто унесла соус и пудинг и принесла земляничное варенье. Она угостила и меня, но я не могла ни капли проглотить. Я чувствовала, что мне платят добром за зло. Когда миссис Росс уехала, Марилла задала мне ужасную головоломку... Что случилось, Диана?

Диана неуверенно поднялась с места, потом снова села, приложив руки к голове.

– Меня ужасно мутит, – сказала она чуть хрипло. – Я... я... пойду домой.

– Но ты не можешь уйти, не выпив чаю! – воскликнула Аня в ужасе. – Я сию минуту поставлю чайник! Позволь угостить тебя фруктовым пирогом и вишневым вареньем!

– Я должна идти домой, – сказала Диана. – Голова ужасно кружится.

Она встала, сильно шатаясь. Аня со слезами разочарования проводила ее до калитки дома Барри. Потом она плакала всю обратную дорогу до Зелёных Мезонинов, где в глубокой печали поставила остатки малинового сиропа в шкаф и заварила чай для Мэтью, но весь интерес к этому занятию у нее пропал.

Все воскресенье дождь лил как из ведра, и Аня не выходила из Зелёных Мезонинов. В понедельник после обеда Марилла послала ее с поручением к миссис Линд. Очень скоро Аня уже мчалась обратно, а по лицу ее катились крупные слезы. Она влетела в кухню и в отчаянии упала ничком на диван.

– Что еще случилось, Аня? – осведомилась Марилла испуганно. – О чем ты плачешь?

Аня села с трагическим выражением лица.

– Миссис Линд заходила сегодня к миссис Барри. Миссис Барри ужасно разгневана. Она говорит, что в субботу я напоила Диану пьяной и отправила ее домой в кошмарном виде. И она говорит, что я совершенно испорченная, злая девочка и она никогда больше не позволит Диане играть со мной!

Марилла остоленела от изумления.

– Напоила Диану пьяной! – сказала она, когда к ней вернулся дар речи. – Аня, кто сошел с ума – ты или миссис Барри? Да что, скажи на милость, ты ей дала?

– Ничего, кроме малинового сиропа, – всхлипывала Аня. – Я понятия не имела, что от малинового сиропа люди делаются пьяными... даже если выпить три больших стакана, как Диана.

– Пьяными! Чепуха! – сказала Марилла, направляясь в маленькую гостиную. Там на полке стояла бутылка, в которой она с первого взгляда узнала свою трехлетней давности смородинную настойку. В ту же минуту Марилла вспомнила, что поставила бутылку с малиновым сиропом в подвал, а не в шкаф, как сказала Ане.

Она вернулась обратно в кухню с бутылкой в руке. Несмотря на все усилия, ей было трудно удержаться от смеха.

– Аня, у тебя прямо-таки дар создавать себе самой неприятности! Ты угостила Диану смородинной настойкой вместо малинового сиропа. Неужели ты сама не почувствовала разницы?

– Я его и не пробовала, – всхлинула Аня. – Но Диану ужасно затошнило, и ей пришлось пойти домой.

– Не плачь! Тебя не в чем винить, хотя очень жаль, что так получилось.

– Я не могу не плакать! Нас с Дианой разлучают навеки!

– Глупости! Миссис Барри, наверное, думает, что ты сделала это из озорства. Сходи к ней и объясни, как все случилось. А лучше я сама схожу.

Аня с нетерпением ждала возвращения Мариллы и выбежала ей навстречу.

– Ох, Марилла, я по вашему лицу вижу, что миссис Барри не простила меня!

– Миссис Барри! – фыркнула Марилла. – С кем другим еще можно договориться, но не с ней!

Марилла удалилась в кухню в сильном раздражении, а обезумевшая от горя Аня с непокрытой головой решительно шагнула в промозглые осенние сумерки и направилась к Садовому Склону. Когда миссис Барри, открыла дверь в ответ на робкий стук и увидела на пороге маленькую просительницу с полными мольбы глазами, ее лицо приняло суровое выражение.

– Что тебе? – спросила она холодно.

– Миссис Барри, – начала Аня умоляюще, – пожалуйста, простите меня. Я не хотела... напоить... Диану. Я была уверена, что это малиновый сироп. Прошу вас, позвольте Диане по-прежнему играть со мной! Не покрывайте мою жизнь мрачной тучей отчаяния!

Миссис Барри с подозрением отнеслась к Аниным возвышенным словам. Ей показалось, что девочка издевается над ней. Поэтому она ответила холодно и жестоко:

– Я считаю твое общество неподходящим для Дианы. Иди домой и веди себя как следует.

Аня вернулась в Зеленые Мезонины со спокойствием отчаяния.

– Последняя моя надежда умерла, – сказала она Марилле. – Я сама сходила к миссис Барри, но она обошлась со мной оскорбительно. Остается только молиться, но боюсь, самому Богу не под силу переубедить такую упрямую особу, как мама Дианы.

– Аня, нельзя так говорить, – строго заметила Марилла, еле сдерживая смех. Впрочем, она посмеялась от души в тот вечер, когда рассказывала эту историю Мэтью.

Но когда, перед тем как лечь спать, она зашла в комнатку в мезонине и увидела, что Аня уже выплакалась и уснула, непривычно мягкое выражение появилось на ее лице.

– Бедняжка, – пробормотала она и, наклонившись над спящей, поцеловала ее горячую, мокрую от слез щеку.

Глава 17. Новая цель в жизни

На следующий день после обеда Аня случайно взглянула в окно и увидела Диану. Та стояла возле Ключа Дриад и подавала таинственные знаки. В то же мгновение Аня выбежала из дома и полетела в долину.

– Твоя мама не смягчилась? – задыхаясь, спросила она.

– Нет. – Диана уныло покачала головой. – Я только уговорила ее позволить мне сбежать сюда на десять минут, чтобы попрощаться с тобой.

– Десять минут – это слишком мало, чтобы успеть проститься навеки, – сказала Аня со слезами. – Диана, обещай никогда не забывать меня, подругу юности, какие бы близкие друзья ни появились в твоей жизни в будущем.

– Конечно не забуду, – всхлипнула Диана. – Я всегда буду любить тебя.

– И я всегда буду любить тебя, Диана, – сказала Аня, торжественно протягивая руку. – Память о тебе вечно будет сиять словно звезда над моей одинокой судьбой. Дашь ли ты мне на память один из твоих черных как смоль локонов, чтобы я могла вечно хранить его как самое дорогое сокровище?

– У тебя есть чем отрезать? – спросила Диана, вытирая слезы и обращаясь к практической стороне вопроса.

– Да, к счастью, у меня в кармане передника лежат мои рабочие ножницы, – сказала Аня и торжественно срезала один из локонов Дианы. – Прощай навек, любимая подруга! Отныне мы должны быть чужими друг другу, живя так близко. Но мое сердце будет вечно хранить верность тебе.

– Все кончено, – сообщила Аня Марилле, когда вернулась домой. – У нас с Дианой было такое трогательное прощание у источника! Она дала мне свой локон, и я собираюсь положить его в маленький мешочек и носить на шее. Пожалуйста, проследите, чтобы меня с ним и похоронили, так как жизнь моя, вероятно, окажется недолгой. Возможно, когда миссис Барри увидит меня мертвой и окоченевшей, она почувствует угрызения совести и позволит Диане прийти на мои похороны.

– Не думаю, чтобы тебе грозило умереть от горя, пока ты можешь болтать не переводя дыхания, – сказала Марилла без всякого сочувствия.

В следующий понедельник Марилла была безмерно удивлена, увидев, что Аня спускается из своей комнаты с корзинкой книг в руке.

– Я возвращаюсь в школу, – объявила она. – Это все, что осталось мне в жизни теперь, когда моя подруга безжалостно отторгнута от меня. В школе я смогу смотреть на нее и предаваться мыслям о минувших днях.

– Лучше бы ты предавалась мыслям об уроках и задачках, – сказала Марилла, ничем не выдав своей радости от такого неожиданного оборота событий.

– Я постараюсь стать образцовой ученицей, – согласилась Аня уныло. – Хотя не думаю, что это будет очень приятно. Мистер Филлипс говорил, что Минни Эндрюс – образцовая ученица, а у нее нет даже искры воображения. Она ужасно скучная и тупая.

Марилла ожидала новых неприятностей, когда Аня снова начала ходить в школу. Но опасения не оправдались. Быть может, Аня переняла некоторые черты у «образцовой» Минни Эндрюс; во всяком случае, в ее отношениях с мистером Филлипсом все было в порядке. Аня всей душой предалась учебе, исполненная решимости не дать себя ни в чем обогнать Гилберту Блайту. Соперничество в учебе между ними вскоре стало очевидным. Оно было вполне благожелательным со стороны Гилберта, Аня же в отличие от него руководствовалась не заслуживающими похвалы враждебными чувствами. Награды доставались соперникам поочередно. То Гилберт был первым в правописании, то Аня, упрямо тряхнув ржыми косами, писала

правильно трудное слово. То Гилберт решал правильно все задачи, и его имя появлялось на классной доске в списке отличившихся; то Аня, целый вечер накануне упорно бившаяся над десятичными дробями, оказывалась первой в этом списке.

К концу полугодия Аня и Гилберт были переведены в пятый класс и приступили к изучению «элементов отраслей знания», каковыми считались латынь, французский, алгебра и геометрия. Самым трудным из этих предметов для Ани оказалась геометрия.

– В геометрии нет никакого простора для воображения, – стонала она. – Мистер Филлипс говорит, что не видел никого тупее меня в геометрии. А Гил... я хочу сказать, некоторые другие так здорово в ней соображают. Диана тоже запросто решает задачки по геометрии. Но я совсем не против, если Диана в чем-то лучше меня. Хотя мы встречаемся теперь как чужие, я по-прежнему люблю ее неугасимой любовью. Мне иногда очень грустно, когда я о ней думаю. Но невозможно долго грустить в таком интересном мире, ведь правда?

Глава 18. Аня приходит на помощь

На первый взгляд может показаться невероятным, что решение премьер-министра Канады посетить остров Принца Эдуарда могло повлиять на судьбу маленькой Ани Ширли из Зелёных Мезонинов. Но случилось именно так.

Было это в январе. Большинство жителей Авонлеи принадлежало к числу политических сторонников премьера, и поэтому почти все отправились на огромный митинг в Шарлоттаун, за тридцать миль от Авонлеи. Миссис Рейчел Линд, хоть и принадлежала к противникам премьера, живо интересовалась политикой и считала, что ни один митинг не может обойтись без нее. А потому она тоже поехала в город и пригласила с собой Мариллу Касберт. Марилла, рассудив, что это, вероятно, единственный шанс для нее увидеть настоящего живого премьера, с радостью согласилась.

В отсутствие Мариллы Аня и Мэтью вдвоем хозяйствовали в уютной кухне Зелёных Мезонинов. В камине пылал огонь, а на оконных стеклах сверкали морозные узоры. Мэтью, сидя на диване, клевал носом над газетой. Аня с мрачной решимостью учила уроки за столом, порой бросая печальные взгляды на полку под часами, где лежала новая книжка, которую дала ей почитать Джейн Эндрюс. Но приняться за чтение означало согласиться на завтрашний триумф Гилберта Блайта. Аня повернулась спиной к полке и постаралась вообразить, что там ничего не лежит.

– Интересно, как там Марилла и миссис Линд на митинге... Мэтью, а вы за кого голосуете?

– За консерваторов, – ответил Мэтью не задумываясь. Голосовать за консерваторов было частью его религии.

– Тогда я тоже консерватор, – сказала Аня решительно. – И очень этому рада, потому что Гил... потому что некоторые мальчики в школе – либералы. Думаю, мистер Филлипс тоже либерал, так как отец Присси Эндрюс голосует за либералов, а Руби Джиллис говорит, что, когда мужчина ухаживает за девушкой, он должен соглашаться с ее матерью в вопросах религии, а с отцом – в вопросах политики. Вы когда-нибудь ухаживали за девушкой, Мэтью?

– Мм... нет, кажется, никогда, – сказал Мэтью, даже не задумывавшийся о таких вещах на протяжении всего своего существования.

– А ведь это, должно быть, довольно интересно, как вы думаете? Руби Джиллис говорит, что когда она вырастет, то постарается, чтобы у нее было много поклонников, которых она будет сводить с ума; но я предпочла бы одного, и в своем уме. Но, конечно, Руби знает гораздо больше об этих делах, ведь у нее столько взрослых сестер. Миссис Линд говорит, что дочки у Джиллисов идут нарасхват, как горячие булочки. Но мне надо доделывать уроки. Я не открою новую книжку, которую мне дала Джейн, пока все не выучу. Но это ужасное искушение... А может, мне сбегать в подвал и принести яблок? Вы любите ранет?

– Мм... я не против, – сказал Мэтью, который никогда в рот не брал этих яблок, но знал Анину к ним слабость.

Когда Аня с тарелкой яблок торжественно появилась из подвала, слышались торопливые шаги на обледеневшей дорожке за окном и в кухню влетела Диана Барри, бледная и запыхавшаяся, в накинута на голову шали. Аня от удивления выпустила из рук свечу и тарелку, и все это с грохотом покатилося по лестнице в подвал.

– Что случилось, Диана?! – воскликнула Аня.

– Ох, Аня, пойдем скорее, – умоляла Диана в волнении. – Наша Минни заболела... У нее круп. Так молодая Мэри Джо говорит... Папа с мамой уехали на митинг, и некому поехать за доктором. Минни ужасно плохо... а Мэри не знает, что делать... Ох, мне страшно!

Мэтью, не говоря ни слова, взялся за шапку и пальто, проскользнул мимо Дианы и исчез в темноте двора.

– Он пошел запрягать гнедую и поедет за доктором, – сказала Аня, торопливо натягивая капор и пальтишко. – Мы с Мэтью – родственные души. Я могу читать его мысли, и слова не нужны.

– Боюсь, он не застанет доктора дома, – всхлипывала Диана. – Все уехали в город на митинг.

– Не плачь, – сказала Аня бодро. – Я знаю, что надо делать при крупе. Ты забываешь, что у миссис Хаммонд три раза были близнецы. У них у всех по очереди был круп. Так что у меня большой опыт. Подожди минутку, я возьму бутылочку с рвотным средством... а то у вас дома может и не оказаться. Ну, пошли!

Минни, трехлетняя малышка, лежала на диване в кухне, метаясь в жару, а ее хриплое дыхание было слышно во всем доме. Молодая Мэри Джо, девушка, которую миссис Барри наняла на время своего отсутствия приглядеть за детьми, совершенно потеряла голову, но Аня принялась за дело умело и быстро.

– У Минни, несомненно, круп. Случай тяжелый, но я видела и хуже. Прежде всего нам потребуется много горячей воды. Мэри, подложите поленьев в печку. Я не хотела бы ранить ваши чувства, но вы и сами могли бы догадаться, что следует поставить чайник. Теперь нужно дать Минни дозу рвотного.

Минни не хотела принимать лекарство, но недаром Аня вынырнула три пары близнецов. Лекарство было благополучно проглочено, и не один раз, в эту долгую тревожную ночь, когда обе девочки терпеливо ухаживали за больной, а Мэри, добросовестно старавшаяся сделать все, что могла, кипятила столько воды, что хватило бы на десяток страдающих от крупы детей.

В три часа ночи приехал Мэтью с доктором, но к тому времени Минни было уже гораздо лучше, и она крепко спала.

– В какой-то момент я была ужасно близка к отчаянию, – рассказывала Аня доктору. – Ей становилось все хуже и хуже. Я боялась, что она задохнется. Я дала ей все, что еще оставалось в бутылке, и сказала себе: «Это последняя слабая надежда, и боюсь, напрасная». Но через три минуты Минни откашляла пленку и сразу почувствовала себя лучше. Вам придется просто вообразить, какое облегчение я испытала, так как это невозможно выразить словами.

Доктор смотрел на Аню так, как будто то, что он о ней думал, тоже невозможно было выразить словами. Потом он, впрочем, все-таки выразил это вернувшимся с митинга мистеру и миссис Барри:

– Эта рыжая девочка, которая живет у Касбертов, просто молодец! Именно она спасла жизнь вашей малышке: могло быть уже слишком поздно, когда я добрался сюда.

Морозным белым утром Аня возвращалась домой с закрывающимися после бессонной ночи глазами, но по-прежнему неустойчиво болтая с Мэтью:

– Какое чудесное утро! Я рада, что живу в мире, где бывают снега и морозы! И я рада теперь, что у миссис Хаммонд было три пары близнецов. Иначе я не знала бы, как помочь Минни. Ах, Мэтью, я почти сплю. Глаза у меня совсем закрываются. Как я пойду в школу?

– Тебе лучше лечь в постель и выспаться, – сказал Мэтью, глядя на Анино бледное лицо и темные круги под глазами. – Я сам все сделаю по дому.

Аня послушно легла в постель и спала так долго и крепко, что проснулась, только когда на дворе уже был ясный бело-розовый зимний день. Она спустилась в кухню, где сидела с вязаньем вернувшаяся домой Марилла.

– Вы видели премьера, Марилла? Как он выглядит?

– Ну, премьером его наверняка выбрали не за внешность, – сказала Марилла. – Но говорить он умеет... Твой обед в печи, Аня, и можешь взять в кладовой сливовое варенье. Я думаю, ты ужасно голодна. Мэтью рассказал мне о том, что было ночью. Какое счастье, что ты знала,

как помочь больной! Ну-ну, не говори ничего, пока не поешь. Я догадываюсь по твоему виду, что тырываешься от желания поделиться впечатлениями, но они подождут.

У Мариллы тоже было что сказать Ане, но она молчала, так как знала, что неожиданное известие может совершенно оторвать девочку от таких прозаических вещей, как аппетит или обед. Только когда Аня доела блюдечко сливового варенья, Марилла сказала:

– Миссис Барри заходила к нам сегодня. Она хотела тебя повидать, но мне было жаль тебя будить. Она говорит, что ты спасла жизнь Минни, и очень жалеет, что поступила так жестоко в истории со смородиновой настойкой. Теперь она уверена, что ты не хотела напоить Диану пьяной, и надеется, что ты простишь ее и будешь дружить с ее дочкой, как прежде. Можешь сходить к ним, если хочешь.

Аня порывисто вскочила, ее лицо озарилось пламенной радостью.

– Можно мне пойти сразу... не вымыв посуды?

– Конечно, беги, – сказала Марилла снисходительно. – Аня... ты с ума сошла! Сию минуту вернись и надень капор!.. С тем же успехом можно кричать ветру, – добавила она, обращаясь к себе самой. – Убежала с голой головой. Просто чудо будет, если она не простудится насмерть!

Аня вернулась домой поздно вечером, когда на заснеженные поля уже легли пурпурные сумерки.

– Марилла, вы видите перед собой совершенно счастливого человека, – объявила она. – Я совершенно счастлива... даже несмотря на мои рыжие волосы. Миссис Барри поцеловала меня, заплакала и сказала, что виновата и что никогда не сумеет меня отблагодарить. Она предложила мне чаю и достала лучший фарфоровый сервиз, будто я была настоящая гостья. Не могу описать, какая меня от этого пронзила дрожь. Как, должно быть, приятно быть взрослой, если так замечательно, даже когда с тобой только обращаются как со взрослой! Мы с Дианой чудесно провели день и собираемся попросить мистера Филлипса снова посадить нас за одну парту.

Глава 19. Концерт, катастрофа и извинение

– Марилла, можно мне на минуточку сбежать к Диане? – спросила Аня как-то раз февральским вечером. – Ей нужно сказать мне что-то важное.

– Откуда ты это знаешь?

– Она подала мне знак из окна. Мы подаем друг другу знаки: ставим зажженную свечу на подоконник и то закрываем ее кусочком картона, то открываем. Определенное число вспышек означает определенное известие. Это была моя идея.

– Не сомневаюсь в этом, – сказала Марилла выразительно. – И уверена, что вы подпалите занавески с этой своей глупой сигнализацией.

– Мы очень осторожны! И это так интересно! Две вспышки значат: «Ты дома?», три – «да», а четыре – «нет». Пять значат: «Приходи как можно скорее. Мне нужно сказать тебе что-то важное». Диана только что подала пять вспышек, и меня мучит любопытство, что она хочет сказать.

– Пусть оно тебя больше не мучит, – сказала Марилла с иронией. – Сходи, но помни: чтобы ты была здесь не позже чем через десять минут.

Аня вернулась в положенный срок, хотя, вероятно, ни один смертный никогда не узнает, чего ей стоило ограничить десятью минутами обсуждение важного сообщения Дианы.

– Марилла, вообразите! Завтра у Дианы день рождения. Ее мама разрешила ей пригласить меня к ним после школы, чтобы я осталась у них ночевать. Из Кармоди приедут ее кузены на больших санях, и вечером они возьмут Диану и меня на концерт в дискуссионный клуб. Я так взволнована!

– Успокойся, так как ты туда не пойдешь. Я не позволю тебе болтаться по концертам и проводить ночь неизвестно где.

– Но у Дианы только один раз в году день рождения. А на концерте будет присутствовать священник и обратится к слушателям с речью. Это почти то же, что проповедь. И миссис Барри обещала положить нас спать в комнате для гостей. Подумайте, какая это честь для меня – спать в комнате для гостей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.